



Лина Елица

ПЛАН ПОКОРЕНИЯ М

18+

Лина Елица

План покорения М

<https://litres.ru/73567734>

SelfPub; 2026

Аннотация

Влюбить в себя парня, которого тайно ненавидишь, а затем разбить ему сердце и отомстить. Соне кажется, что план звучит идеально. Но есть одна большая проблема: она совершенно не представляет, как быть соблазнительной и «покорить» врага.

Продумать шаги оболъщения ей помогает давний знакомый, который ловко играет с чужими чувствами, но главное, тоже желает мести.

Девушке приходится стать той, кем она никогда не была: хитрой, дерзкой, расчётливой. Обманом попав в престижный колледж «Антарес», она подбирается к врагу опасно близко и начинает игру. Но с каждым её ходом грань между истиной и притворством стирается, путая карты для всех: Сони, её помощника и объекта мести.

Всё ближе к тому, кого ненавидишь. Всё дальше от своих принципов. Сможет ли Соня разобраться в собственных чувствах, не потерять себя и понять, кто с кем играет на самом деле?

Содержание

Глава 1. Выбери цель	4
Глава 2. Посмотри в глаза	31
Глава 3. Устрой эффектное появление	55
Глава 4. Внимательно слушай	88
Глава 5. Мягко прикоснись	112
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Лина Елица

План покорения М

Глава 1. Выбери цель

Быть собой.

Современные книги, фильмы, блогеры и реклама — все утверждают, что быть собой — это высшая ценность и самый верный путь к счастливой жизни. Я не знаю, так ли это. И, возможно, уже не узнаю. Ведь в реальности быть собой — привилегия, и у меня её отобрали.

Я стою перед высокими коваными воротами колледжа «Антарес» и понимаю: здесь мне придётся стать другим человеком. Чтобы добиться цели, мне нужно будет врать, притворяться и не испытывать угрызений совести. Только так я смогу подобраться к тому, кого ненавижу. Смогу отомстить ему и вместе с тем спасти близкого человека.

Быть собой... Я бы хотела быть улыбчивой и доброй. Веселой и уверенной в себе. Но главное — быть свободной. Мне казалось, что я почти стала такой, но уверенность, доброта, вера в лучшее — всё это растворилось в боли, захлестнувшей меня прошедшей весной. В тот день, когда моего брата Ваню, пусть и слегка нахального, но всё же доброго и безобидного, обвинили в том, чего он не делал. Страшный при-

говор вновь прозвенел у меня в голове, заставив на миг за-
жмуриться. «Три года лишения свободы».

Я верила, что всё это ошибка, которую вот-вот должны
исправить. Что очевидная ложь не может выиграть. Но, во-
преки всем фактам и здравому смыслу, она победила. Ва-
ню оклеветали, и после того, как его забрали, я погрузилась
в уныние с головой. Чтобы не делать своей семье ещё ху-
же, я изображала спокойствие, натягивала лживую улыбку
по утрам и сохраняла стойкость, но только внешне. А внутри
осталось лишь разочарование, которое, будто тяжелая гиря
на сердце, тянуло меня на дно. Хотелось лишь одного — на-
всегда запереться в комнате, свернуться калачиком на кро-
вати и плакать. Из-за несправедливости. Из-за собственной
слабости. Из-за того, как паршиво устроен мир.

Но Ваня учил меня не сдаваться и двигаться вперед, да-
же если сил почти не осталось. Поэтому я всё же смогла ото-
рваться от пропитанной слезами подушки. Сделать парочку
безумных и, может, опрометчивых шагов. И теперь я иду
по каменной дорожке, на которой лежат пожелтевшие ли-
стья, словно впитавшие весь золотистый свет уходящего ле-
та, и смотрю прямо на двери «Антареса», колледжа, где учат-
ся только «избранные». И я.

Внутри этого здания скрывается мой враг. Беспечно сло-
няется по коридорам, переговаривается с однокурсниками,
улыбается девушкам, ничего не подозревая. Он подставил
Ваню — и не останется безнаказанным. Избалованный, наг-

лый, эгоистичный — Матвей Давыдов думает, будто может делать что хочет, и для него нет угроз и последствий. Считает себя неприкосновенным. Что ж, я найду его слабое место и покажу, насколько он ошибается.

Я делаю шаг вперёд. Ещё один. И ещё. Переступив порог колледжа, я оставляю в прошлом наивную и осторожную версию себя. Свои привычки, принципы, идеалы. Теперь мои спутники — ложь и цинизм, щедро приправленные притворством. Я знаю, что если останусь собой, то никогда не достигну цели. Без хитрости и нахальства меня бы здесь даже не было.

Мои намерения — дурны. Но разве мне должно быть за это стыдно? В конце концов, Матвей сам виноват, что его жизнь скоро перестанет быть столь успешной и лёгкой. Может, я бы так и пряталась в комнате от жестокой реальности или выветривала бы гнев из души на ежедневных пробежках. Но он посмел попасться мне на глаза и выглядеть так беспечно и радостно, будто бы ничего не случилось. Словно он не разрушил жизнь целой семьи. Улыбчивый, веселый и уверенный в себе — Матвей был тем, кем мечтала быть я. И в моей душе пробудилось первое по-настоящему тёмное желание — всё это у него отобрать. Увидеть, как с лица сползает улыбка. Как его уверенность гаснет от холодной волны разочарования в себе. Как в глазах, обычно искрящихся от веселья, вспыхивает боль, глубокая и пронзительная.

Я останавливаюсь в вестибюле «Антареса», поворачива-

уюсь назад и ещё раз бросаю взгляд на массивные распахнутые двери из темного дерева. Смотрю на улицу, где мерцают мягкие лучи сентябрьского солнца, гуляет прохладный ветер и шелестят разноцветные, пёстрые листья деревьев. Они будто шепчут, вселяя надежду: «Ещё не поздно сбежать, отмотать всё назад и остаться собой». Теплая, залитая золотистым сиянием улица манит свободой и ярким светом. Но я вспоминаю обо всём, что случилось за последние месяцы, и твердо делаю шаг вперёд, к широкому и тусклому коридору колледжа.

В темную глубину «Антареса» меня толкают не только мысли о брате, но и личный мотив. Я вспоминаю летний вечер, когда мое желание мстить обрело четкую форму. Это случилось три месяца назад, и тогда я как раз предавалась унынию. Родители уехали на встречу с очередным адвокатом, а я просто хотела отвлечься, устроив марафон сериала «Убийства в заброшенном здании». Одна мрачная серия за другой — и можно забыть о своих проблемах. Решив, что чипсы, сладкая газировка и шоколад станут лучшими спутниками в эскапизме, я отправилась в магазин.

Мне пришлось долго собираться с силами, чтобы выйти из дома. Когда тоска крепко хватает за горло, даже обычный поход в ближайший супермаркет превращается в подвиг. Поглощенная тяжелыми мыслями, я медленно брела к магазину и не замечала мягкой прохлады летнего вечера, деликатного света закатного солнца и чарующей красоты розовею-

щего неба. И все же на улице легче дышалось, и я почувствовала себя почти живой. Идти было недалеко, и через десять минут я добралась до супермаркета. Быстро нашла всё, что мне было нужно, захватила для родителей кофе, расплатилась и поспешила домой — в комнату с закрытыми тёмными шторами, запахом травяного чая, который так и не помог от бессонницы, и ноутбуком, где уже была загружена серия мрачного детектива.

Но стоило мне выйти на улицу, осмотреться — и я почти сразу застыла в нескольких шагах от стеклянной двери магазина. Мою грудь будто пронзила острая стрела, щедро смазанная жгучим ядом несправедливости. Передо мной стояла припаркованная машина, и я мгновенно узнала её.

Ту самую машину, в угоне которой весной обвинили Ваню. Моего брата, который даже не умел водить.

От волнения я ощутила покалывание по всему телу. Руки задрожали из-за гнева, который быстро растекался по венам. Мне уже было ясно, кто за рулём. Присмотревшись, я убедилась, что это был он, Матвей Давыдов. Парень занимал водительское сидение и спокойно смотрел через открытое окно на солнце, которое постепенно скрывалось за горизонтом. В мягком свете заката светло-русые волосы Матвея и его бледная кожа казались золотистыми, а янтарные глаза излучали обманчиво тёплое сияние. Он щурился, как довольный кот, и, в отличие от меня, наслаждался красотой вечера. Ослепительно белая льняная рубашка подчеркивала его расслаб-

ленный и беззаботный образ. Матвей бросил взгляд на свои наручные часы, которые блеснули, отражая солнечные лучи, а затем вдруг поднял глаза и посмотрел на меня — пронзительно, прямо, будто бы знал, что я наблюдала.

Это был взгляд победителя. Парень казался довольным собой и жизнью. А я стояла на улице, растерянная и подавленная. Уставшая и нервно прижимающая к груди огромную пачку чипсов, большую бутылку колы и остальные продукты. Мой мир рушился. А у Матвея всё было в полном порядке. Я ощутила, как внутри начала стремительно распалаться злость, которую я подавляла много недель.

Но что я могла сделать? Подбежать и врезать ему по лицу? Кинуть в него шоколадкой? Или поцарапать ненавистную машину? К сожалению, такое остаётся безнаказанным только в сериалах. Поэтому я лишь стиснула зубы, сдерживая красочные оскорбления, которые крутились на языке.

Матвей же вдруг улыбнулся, игриво и дерзко. Я заморгала, не веря своим глазам. А он уже высунул в окно руку и приветливо помахал. «Не может быть, чтобы он так издевался!» — успела подумать я. И тут из-за моей спины появились те, на кого виновник моих бед смотрел на самом деле: парень с тремя заполненными пакетами и девушка, державшая в руках две бутылки вина. Они направлялись прямо к машине Матвея.

— Я говорила, что в этом магазине на отшибе не будет нормального сыра! — громко возмущалась девушка.

— Главное — не еда, а компания! — ответил ей парень, сохранявший веселость в голосе несмотря на то, что тащил тяжелые покупки. — И знаешь, есть кое-что повкуснее вина и сыра...

Девушка сердито взглянула на него, но её недовольство казалось преувеличенным и притворным. Парочка подошла к багажнику, чтобы загрузить пакеты. Я отметила, что Матвей даже не думал помогать другу. Он лишь сдержанно улыбался и прохладился в отмытом до блеска автомобиле.

Они явно собирались веселиться. Закупались едой и напитками, чтобы устроить вечеринку. «Их жизнь всегда будет лёгкой и беззаботной, сколько бы судеб они ни сломали», — раздраженно подумала я, всё крепче сжимая купленные продукты. Из-за Матвея я испытала так много боли, а он отдыхал и развлекался как ни в чем не бывало.

Парень ничего не замечал. Собственных разрушительных действий. Людей, которым переходил дорогу. Он не заметил меня. Опять. Хотя смотрел прямо в мою сторону. Я была невидимой для него, словно призрак. Моя потеря, моя боль, мои проблемы — для него они ничего не значили. И я поняла, что не могу это так оставить.

Непроходящая тяжесть в моей душе — и безграничная легкость Матвея. Этот разительный контраст казался жестокой насмешкой судьбы. И мне отчаянно захотелось изменить расстановку сил.

Пылая от ярости, я пролетела мимо ненавистной машины

и поспешила домой с одной целью — придумать, как проучить врага.

Вернувшись в свою комнату, я не стала включать сериал. Так и не распахнула темно-сиреневые шторы. И даже не открыла чипсы. Вместо этого я достала блокнот и торопливо написала черной ручкой: «План мести». Быть может, это было по-детски, но жгучий гнев затуманивал разум. Мне хотелось действовать, планировать, быть решительной. Продумать всё шаг за шагом.

«Шаг 1: Выбрать цель — М». Писать его полное имя я не хотела на случай, если кто-то все же найдёт блокнот.

«Далее — найти информацию об М. Как подобраться к нему?»

Весь вечер я провела, выискивая страницы Матвея Давыдова в социальных сетях. Меня удивило, что этот напыщенный и эгоцентричный парень почти ничем не делился в интернете. Зато его охотно отмечали в постах и на снимках другие, и одна из таких фотографий привлекла моё внимание. На ней Матвей и двое его друзей, которых я видела вместе с ним у машины, позировали перед четырехэтажным зданием из красного кирпича. Все трое улыбались и источали уверенность. В себе, в завтрашнем дне и далёком будущем — во всём. Казалось, если спросить их, что же значит быть собой, они ответят: «Делать что хочешь, ни с кем не считаясь».

На них была форма престижного и дорогого колледжа «Антарес». Темно-синие брюки у парней, плиссированная

юбка до колен — на девушке. Все трое были одеты в кремовые рубашки и жилеты цвета ночного неба. На груди у каждого из них блестела золотистая эмблема колледжа. Пока я рассматривала их форму, меня осенило: именно там, в «Антаресе», я легко смогу изучить врага, подобраться к нему и использовать как захочу.

Новой целью поиска стал «Антарес». И удача мне улыбнулась — на сайте колледжа висело объявление, что до вступительных экзаменов оставалось ещё 10 дней. Однако бюджетных мест было всего четыре. Шанс казался призрачным, но в тот вечер я, подгоняемая гневом, поняла, что пойду на всё ради поступления.

И вот я здесь, даже если кто-то считает, что мне тут не место. Одета в такую же форму с эмблемой колледжа, на которой сияют 13 звезд. Темно-синий, кремовый и золотой — теперь это и мои цвета.

Неожиданно меня выводит из мыслей о прошлом и возвращает в реальность резкий толчок. В коридоре колледжа незнакомая девушка, задев меня плечом, пролетает мимо. Но тут же, обернувшись, уверенно бросает: «Что встала? Пошли!» Она продолжает свой путь, а я неосознанно следую за ней.

— Мы знакомы? — кричу я ей вслед.

Она вновь оборачивается и смотрит на меня так, будто я ляпнула несусветную глупость.

— Нет, но это не повод тупить посреди коридора. Сразу

ясно, что первокурсница.

Неужели я уже нарвалась на свой первый конфликт? Девушка тяжело вздыхает, но вдруг добавляет уже более мягко:

— Идем, нам по пути.

Я догоняю её и пытаюсь больше не отставать.

— Ты тоже по стипендии? — спрашивает незнакомка.

— Да, а как ты догадалась? — я машинально начинаю поправлять одежду. Разве так видно, что я беднее других студентов?

— Остальные тут расхаживают, как у себя дома, а не стоят с таким напряженным лицом, будто на поле боя, — объясняет она, а затем прямолинейно добавляет, подтверждая мои опасения: — А ещё у всех тут брендовые сумки, но не у тебя.

Я совершенно не разбираюсь в сумках. Брендах одежды. Машинах. И что там ещё ценят местные обитатели? Интересно, станет ли это проблемой?

— Может, я просто поддерживаю начинающих местных дизайнеров, — оправдываюсь я, нервно сжимая ремешок своей сумки.

— Может, — кивает девушка. — Но вряд ли ты поддерживаешь хмурые рожи.

Я невольно пытаюсь сделать лицо попроще.

— Как тебя зовут? — она переводит тему.

— Софья... Соня, — представляюсь я. — А тебя?

— Диана, — отвечает моя первая знакомая в «Антаресе».

У неё необычный голос. Довольно низкий для милостивой

девушки, но всё же красивый. Он кажется тёплым и обволакивающим. — Я тоже здесь по стипендии, как ты уже, наверное, поняла.

Я киваю. Выходит, Диана — из числа редких «бюджетных студентов», которых приняли в «Антарес» в рамках специальной благотворительной программы. Все остальные учатся здесь за деньги, и стоимость образования в этом колледже — запредельная. Лишь четверо счастливиц в год попадают сюда бесплатно, и в этот раз я оказалась среди них, но слегка нарушила правило.

— Слышала, в этом году взяли ещё пятого студента. Неужели какой-то гений? — Диана говорит это, не скрывая иронии. — Это случайно не ты?

— Я точно не гений, — признаюсь я с усмешкой. И немного ухожу от ответа, ведь пятый студент — это всё-таки я, принятая в последний момент.

Хотелось бы сказать, что я поступила в «Антарес» своими силами. Или хотя бы чудом. Но я проникла сюда обманом. Мне уже довелось узнать, что обычной девушке, пусть и отличнице, почти нереально стать студенткой этого колледжа. Несколько человек в год принимают только для вида и сохранения репутации. Чтобы люди не возмущались из-за того, что у них на окраине города стоит странное и закрытое учебное заведение, куда невозможно попасть. И я подозреваю, что «бюджетников» все-таки тоже берут не случайных. Студентов принимают якобы за «особые достижения»,

но про свои особые достижения я лучше пока умолчу. Диане о них знать точно не стоит.

— Нам нужно на приветственную лекцию для первокурсников. Это в аудитории где-то на втором этаже, — поддерживает беседу девушка, вновь выдергивая меня из размышлений.

— Начало уже через пять минут, — я опускаю взгляд на наручные часы.

— Тогда тебе повезло, что я вывела тебя из транса.

Мы спешно проходим через просторный холл к широкой распашной лестнице. Мне всё ещё не верится, что я и правда в «Антаресе». Большие окна с витражами, панели из тёмного дерева, массивные дубовые двери — всё это впечатляет. Здание колледжа нельзя назвать старинным, однако его явно создавали, опираясь на стереотипы о классических учебных заведениях для элиты. «Так они себе представляют сдержанную, «умную» роскошь. Позеры», — несмотря на то, что всё вокруг сделано со вкусом, мой мозг отказывается восхищаться тем, что я вижу.

На втором этаже мы быстро находим нужную аудиторию. Тяжелые двустворчатые двери пока распахнуты, и мы с Дианой спешно проходим через них. Внутри — кафедра, перед которой лесенкой возвышаются места для студентов, образуя подобие половины амфитеатра.

Большинство мест уже занято, и нам приходится подняться на предпоследний ряд и сесть с краю. Студенты перего-

вариваются и, кажется, уже успели разбиться на компании. Похоже, почти все тут друг друга знают.

— Смотри, видишь вон ту девчонку с синим бантом? — Диана наклоняется ко мне и указывает на девушку во втором ряду.

— Этот бант трудно не заметить. Как у первоклашки. Диана усмехается. Похоже, я угадала, и ей нравятся подобные колкие замечания.

— Она тоже по стипендии тут, — тихо говорит девушка. — И я уже видела, как она бегала за малиновым латте для девочек побогаче. Времени зря не теряет.

Уголок губ Дианы неприязненно изгибается. Я задаюсь вопросом, почему. Ей не нравятся подхалимы? Или злится, что её опередили? Я решаю выяснить, но действовать нужно мягко.

— А ты здесь не ищешь подруг?

— Подруг... Может быть, — девушка бросает хитрый взгляд на меня. — Но богатые подруги мне не нужны. Да и прислуживать — это не дружба.

Я понимающе киваю.

— Богатые подруги — к чёрту их, — продолжает Диана, и, кажется, она не прочь побыть откровенной. — А вот богатые парни — совсем другое дело.

В её глазах вспыхивают игривые огоньки. Я заговорчески ей улыбаюсь и про себя отмечаю, что у Дианы есть все шансы собрать тут команду обеспеченных поклонников. Боль-

шие зелёные глаза, ровный нос и полные губы — все черты её лица такие правильные и мягкие. Синяя форма подчеркивает её фигуру типа «песочные часы» с выраженной талией и большой грудью. На спине девушки изящными волнами лежат длинные каштановые волосы. Рядом с ней я ощущаю себя какой-то плоской и угловатой. Остаётся надеяться, что Диана не выберет в качестве своей цели Матвея, иначе у нас возникнет конфликт интересов.

И все же мне комфортно рядом с ней. Диана кажется прямолинейной и пробивной. Я тоже пришла сюда не для того, чтобы заводить подруг, но эту девушку мне захотелось узнать лучше.

Наш разговор завершается, когда раздаётся резкий звук захлопнутых дверей. На кафедру проходит статная пожилая женщина с серебристыми волосами, собранными в пучок, и безупречной осанкой, которой могла бы позавидовать любая из присутствующих молодых студенток. Эта женщина, заместитель директора, приветствует первокурсников и начинает рассказывать об «Антаресе».

— Это не просто колледж — это начало вашего пути в большой мир настоящего образования, ценных знаний и важных связей. Многие из вас уже знают, что «Антарес» — часть масштабного образовательного общества «Стеллар». Филиалы нашей организации разбросаны по стране, и учатся в них только лучшие.

«Точнее те, у кого хватает наглости и, конечно, денег, что-

бы открыто называть себя «лучшими» и выделяться», — мысленно добавляю я.

— Здесь вы получите образование высшего класса. Найдете верных друзей и союзников. Станете частью уникального сообщества. И, конечно, стоит отметить, что колледж «Антарес» — ваш единственный возможный путь к лучшему университету страны — «Аструму», — продолжает заместитель директора. — После обычной школы или любого другого учебного заведения в «Аструм» не поступить. Только те, кто присоединился к обществу «Стеллар», могут попасть туда. Впрочем, после нашего колледжа для вас будут открыты двери любого вуза.

У меня нет особых амбиций, связанных с дальнейшим образованием. Мне нужно только одно — приблизиться к Матвею, обмануть его и спасти брата. Прячась за маской отличницы, попавшей в «Антарес» за ум и упорство, я подберусь к врагу очень близко и заставлю испытывать ту же боль, что и я. Мне нужно его обхитрить. Использовать. Проучить. И я переступлю через себя, чтобы сделать это. Подавлю свои страхи, стыд и чувство вины и добьюсь справедливости.

Неожиданно двери аудитории вновь открываются — и перед студентами появляется мужчина в темно-синем костюме. Он приветливо улыбается и проводит пальцами по короткой бороде с проседью. Я уже знаю, что это директор колледжа. Медленно съезжаю вниз по спинке сидения и прячусь за головами других первокурсников.

Мужчина приветственно кивает коллеге и сменяет свою заместительницу у кафедры.

— Вы пришли в «Антарес», чтобы обрести здесь лучшую версию себя, — начинает он свою торжественную речь. — Используйте уникальные возможности, которые мы предоставим вам в стенах колледжа, и станьте лучшими, сильными и блистательными. Дотянитесь до звёзд — и сияйте ярко!

В зале раздаются аплодисменты, а я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Вопреки словам директора, я замечаю, как с каждым появлением в «Антаресе» я становлюсь всё хуже и хуже. Теряю себя шаг за шагом. Директор продолжает говорить, но я уже не слушаю. На меня вдруг накатывает паника от того, что я и правда здесь, в одном здании с людьми, которых презираю. С лживым директором колледжа, мечтающим от меня избавиться. С чертовым Матвеем Давыдовым, который без тени стыда портит жизнь окружающим. С избалованными девушками, которым лень самостоятельно сходить за дурацким малиновым латте. И пусть я уже бывала в «Антаресе» пару раз, именно сейчас мне становится ясно: всё по-настоящему.

Мне хочется, чтобы директор замолчал. Поумерил свой неуместный героический пафос. Хочется побыть в тишине и ещё раз обдумать, зачем я здесь, и что делать дальше.

Мой план далек от совершенства, но всё-таки я уже тут, и значит, игра началась, даже если я к ней совсем не готова. Лекция завершается, и я стараюсь затеряться в толпе и неза-

метно выскользнуть из аудитории. Ловлю на себе холодные, презрительные взгляды других студентов. Чем я уже успела им не угодить? Тяжело вздыхаю. Мне точно нужно перевести дух где-то в спокойном и тихом месте.

Я вижу, что поток людей хлынул вниз по лестнице. На первый этаж, где находятся общий зал, столовая и кафетерий. А значит, мне стоит пойти наверх, чтобы быть ото всех подальше. Диана исчезла сразу после лекции, ничего не сказав, и я решаю её не искать и собраться с мыслями в одиночестве.

Поднимаясь по ступенькам, я стараюсь успокоиться и про себя повторяю: «Я подстроюсь, я приспособлюсь, я извлеку выгоду». Попав на третий этаж, я с облегчением выдыхаю. Тут пусто, безлюдно и тихо. Медленно иду вдоль балюстрады и вдруг замечаю, что впереди — приоткрытая дверь. Видно, что внутри не горит свет, а значит, там никого нет. Это именно то, что мне нужно.

Я подхожу ближе и осторожно тяну на себя дверь, которая открывается с тихим скрипом. Прокрадываюсь в помещение и вижу, что это просторный читальный зал. В центре вытянутой комнаты стоят письменные столы, а по обеим сторонам от двери расходятся высокие книжные стеллажи. Тяжелые шторы прикрыты, но не до конца, и через щели внутрь проникает золотистый свет.

Я захожу и аккуратно прикрываю за собой дверь. Иду осторожно, но каждый мой шаг всё равно кажется слишком

громким в обволакивающей тишине. Изучаю стеллажи — на полках так много разных книг: художественная и научно-популярная литература, учебники и даже поэзия. Сколько же их тут! «Антаресу» всё-таки удалось немного меня впечатлить. Удивительно, что все эти книги вот так просто стоят здесь. Неужели их можно брать когда угодно и без разрешения? Это вызывает у меня неожиданный прилив воодушевления. Нет, меня нельзя назвать «книжным червем». Но брат приучил, что тело и разум нужно развивать в равной мере, поэтому я люблю иногда почитать. И доступ к книгам радует меня, ведь покупать их сейчас — уже не дешёвое удовольствие.

Я брожу по рядам, рассматривая разноцветные переплеты. Бережно касаюсь корешков книг — новеньких гладких и более старых, шершавых. Затаив дыхание, читаю названия, одно за другим. Это всего лишь книги, но почему-то мне кажется, что я делаю что-то запретное, недопустимое. Проникаю туда, где мне нельзя находиться. Быть может, всему виной глубоко засевшее чувство, будто мне вообще не позволено быть в «Антаресе», в том числе и в этом читальном зале? Синдром самозванца разошёлся по-полной.

Похоже, я пока не готова вот так свободно разгуливать по колледжу. Не чувствую себя тут в безопасности, и начинаю немного нервничать. Я останавливаюсь в нескольких шагах от последнего ряда стеллажей и решаю, что мне лучше уйти. Ещё успею сюда вернуться, когда освоюсь.

Но вдруг я слышу шепот, который заставляет меня замереть.

— Нет, Алиса, всё будет так, как хочу я.

Парень произносит эти слова очень тихо, но они будто оглушают меня. От головы по всему телу разлетается россыпь мурашек. Стараясь не издавать не звука, я отступаю в сторону и прячусь за стеллажом.

— Я думала, мы хотим одного и того же, — мурлычет в ответ девушка.

Первая мысль: «Нужно убираться». Раньше я бы сделала так, не раздумывая. Но теперь сомневаюсь, ведь я пришла в этот колледж не за тем, чтобы избегать чужих секретов. Наоборот — чтобы в них погрузиться. Да и как теперь уйти незамеченной?

Я аккуратно подхожу к другому краю стеллажа и, затаив дыхание, с опаской выглядываю из укрытия.

Но тут же прячусь обратно. Сердце начинает стучать так громко, что мне кажется, его слышно по всему читальному залу. Я пытаюсь не двигаться, но по телу предательски бежит дрожь. Дыхание сбивается, лёгкие зажаты в холодных тисках волнения. Там, за высоким стеллажом, расположились ещё несколько столов, приставленных к стене. И на одном из них сидит тот, кого я и должна была найти этим утром, если бы действовала смелее. Матвей Давыдов, виновник моих проблем, находится как никогда близко.

Всего пара часов в колледже — и я уже увидела боль-

ше, чем хотела. Этот парень опять развлекается. Полулежа устроился на столе, отклоняясь назад и опираясь на обе руки. На лице — вызывающая ухмылка. Его рубашка расстёгнута на груди, и пока не распахнулась до конца лишь благодаря трем нижним пуговицам. А прямо перед парнем, между его коленей, стоит девушка. Слегка наклонившись к нему, она по-хозяйски опирается одной рукой о его бедро, а пальцами другой руки дразняще водит по его открытой коже ниже ключиц. Из-за шума в ушах я не расслышала часть разговора, но вдруг до меня вновь доносится голос незнакомки.

— Так что, мне просто уйти? — дразнит она, явно надеясь, что парень её не отпустит.

— Мммм... Я знаю, что ты блефуешь.

Слышу, как она хихикает в ответ. Так значит, Матвей и некая Алиса... Это не особо вписывается в мой план, но пока я слишком взволнована, чтобы всё обдумать. Мне страшно даже дышать. Очень хочется убежать, но боюсь выдать себя случайным шорохом. У меня начинается паника от мысли, что кто-то из них решит пройтись и увидит меня. С другой стороны, будет ещё хуже, если они останутся здесь, и руки девушки перейдут с колена и груди куда-нибудь ещё. Я определенно не хочу стать свидетелем такой сцены в первый же день в колледже.

Погрузившись в мысли, я не сразу замечаю, что пауза в их разговоре затянулась. Тишина становится искрящейся и напряженной.

— Подожди тут, — вдруг бросает Матвей, и я слышу хлесткий удар подошвы ботинок об пол. Вспышка страха озаряет меня всю, с головы до пят. Не знаю, куда деваться, и, подумав, что буду выглядеть ещё глупее, если побегу или попытаюсь прятаться, я остаюсь на месте и поворачиваю голову к книгам. Снова тихо вожу пальцем по корешкам, будто задумчиво ищу что-то.

Шаги звучат еле слышно. Матвей либо не знает, где именно меня искать, либо нарочно не спешит, чтобы помучать ожиданием. Он идет неторопливо и лениво, будто ему всё равно, поймают ли он случайного свидетеля. На миг в моей груди загорается надежда, что парень всё же меня не услышал, и его отвлекло что-то другое. Быть может, он меня не найдёт.

Но вдруг я замечаю движение справа.

Найдет. Уже нашёл. Он стоит между двух стеллажей и испепеляет меня взглядом.

— Подглядывать — нехорошо, — говорит Матвей на удивление спокойно.

— Подглядывать за книгами? — я указываю на полку, перед которой стою.

— Врать — ещё хуже, — он медленно приближается ко мне. Идет, засунув руки в карманы брюк, и будто специально растягивает момент.

— А шептаться в библиотеке? — я поворачиваю голову и смотрю на Матвея с вызовом.

— Так значит, ты подслушивала, а не подглядывала, — он наконец останавливается в шаге от меня. — Плохо ли *шептать*ся? Ты мне скажи. Ведь теперь мы *шепчемся*тут с тобой.

Я сжимаю губы, сдерживая свою неприязнь и бесконечное количество колкостей в его адрес, живущих в моей голове. Невольно опускаю глаза и замечаю, что рубашку он так и не застегнул.

— Кто ты? — спрашивает он, наклоняясь и всматриваясь в мое лицо. — Я тебя раньше не видел, а я знаю в колледже почти всех.

Парень с подозрением прищуривается и без тени смущения изучает мои черты. Мне хочется отвести взгляд, закрыться руками, но я пытаюсь задействовать всю свою стойкость, чтобы сохранять невозмутимый вид. Он не вспомнил меня, девушку, у которой отобрал самое ценное.

— Ну, значит, не всех, — я пожимаю плечами и одариваю его равнодушным взглядом. Знаю, что в моем случае это неправильно, но встреча случилась слишком внезапно, и я не успела надеть нужную маску.

— Неужели ты... Новая парвеню? — Матвей усмехается. — Забавно. Что ж, это значительно упрощает дело.

Я недоуменно смотрю на него. Не знаю, что он имеет в виду, но ни капли не сомневаюсь, что Матвей сейчас попытался меня оскорбить и унижить. Другого я от Давыдова и не жду.

— Какое ещё дело? — вырывается у меня. Руки чешутся от желания полоснуть ногтями по насмешливому лицу.

— Объясняю: я говорю, что делать, и ты делаешь. Вот так просто, — с надменной ухмылкой поясняет парень. — Даже не надо думать и вот так напряженно хмуриться.

Я ощущаю, как от этого высокомерного отношения моя несдержанная, вспыльчивая сторона начинает рваться наружу. Кулаки сжимаются сами собой. Я на секунду прикрываю глаза и медленно вдыхаю. Мне нельзя разругаться с Матвеем в первый же день.

— Если не хочешь потерять стипендию и вылететь из колледжа, ты должна меня слушаться. И твое первое задание: молчать о том, что ты здесь слышала. Или всё-таки видела, — продолжает он.

— Я не вылечу из колледжа даже твоими стараниями, — на моем лице проступает злая ухмылка. Парень пока не представляет, какой козырь есть у меня в рукаве.

Матвей задумчиво наклоняет голову набок и решительно подходит ко мне вплотную, заглядывая в глаза, будто может прочитать в них ответы на свои вопросы. Моя темно-синяя жилетка почти соприкасается с его обнаженной кожей. Он думает, что я засмущаюсь и отступлю. Но, видимо, он не знает, какого это — расти с непоседливым братом и порой пересекаться с его задиристыми друзьями без комплексов. Я не боюсь парней. Мне доводилось купаться с ними в одной реке. Играть в баскетбол на улице в жаркие летние вечера,

когда ребята без стеснения стягивают футболки. Приходилось с мальчишками даже драться и побеждать.

Я не отступлю. Смотрю ему прямо в янтарные глаза и стараюсь усмирить потяжелевшее от негодования дыхание, чтобы избежать случайного касания грудью.

— И вообще... Что-то я тут не заметила ничего интересного, — с вызовом говорю я и гордо приподнимаю подбородок. — О чем я, по-твоему, должна всем рассказать? Что ты забыл застегнуть рубашку? Ну прямо событие года.

Теперь уже его взгляд падает вниз, на пуговицы, но быстро возвращается ко мне.

— Смело, — ухмыляется Матвей. — Разглядывала меня? Про мой идеальный пресс можешь никому не рассказывать, все и так знают.

— Так ты в подобном виде всегда по колледжу ходишь?

— Скоро узнаешь, — он вдруг игриво подмигивает мне, а его губы расплываются в бесстыдной улыбке. Фу.

Быть может, это мой шанс пофлиртовать с ним. Узнать его лучше и стать на шаг ближе к секретам Матвея. Но я не могу контролировать неприязнь. Пока я не способна ему мило улыбаться.

— Я не за такими знаниями сюда пришла.

— А зря, — его глаза игриво блестят. — В «Антаресе» можно узнать так много нового и интересного.

«Знал бы ты, что я хочу тут узнать на самом деле», — думаю я и, кажется, на миг это внутреннее злорадство прояв-

ляется на моем лице. Похоже, даже в полумраке читального зала Матвей, внимательно наблюдающий за мной, это замечает.

— Но чтобы ты тут ни узнала, держи язык за зубами, ясно? — его игривый тон резко становится холодным и угрожающим. Он наклоняется совсем близко к моему лицу. — Ясно?

— Мне нет до тебя дела, — я увожу взгляд в сторону, чтобы не видеть зловещего блеска в его глазах.

Как бы я хотела, чтобы это было правдой. Чтобы Матвей и его грешки совершенно меня не интересовали. Но я нагло вру, ведь мне есть до него дело. Я буквально пробилась в этот колледж ради него.

— Как-то грубо, — морщится он. — Учись быть вежливой и послушной. Помалкивай — и я пойму, что ты всё усвоила. А до тех пор я за тобой присмотрю. Я знаю, что такие, как ты, делают в этом колледже. Ищут, к кому бы примкнуть как рыба-прилипала. Или вынюхивают чужие секреты, чтобы на них наживаться. Я тебе этого не позволю.

Он делает пару шагов назад и оценивающе рассматривает меня. А я на мгновение замираю, пораженная его догадкой. Я не планирую наживаться, но черт возьми, я и правда собираюсь «вынюхивать секреты», пусть и не ради денег, но ради пользы — спасения брата.

— Такие как я? Это какие же? — я цепляюсь за его фразу и перевожу тему. Заставлю его сделать ошибку и сказать

грубые слова, о которых он пожалеет. Слова, которые дадут мне право нанести ответный удар.

И он понимает это. Одно дело — подкалывать и намекать. Другое — прямо оскорблять незнакомку и показывать себя в худшем свете.

— Ты мне скажи. Какая ты? — парень откровенно юлит, не позволяя поставить его в невыгодное положение.

— Я та, кто не собирается ничего «усваивать»! — мой голос становится резче и громче. Теперь уже я надвигаюсь на парня. — Мне и правда плевать. Можешь тут хоть оргию устроить!

— Хочешь поучаствовать? — Матвей вновь переключается с серьезного тона на провокацию и веселость.

У меня вырывается смешок. Даже не подумаю на это отвечать. Я пытаюсь пройти мимо парня, но Матвей вдруг хватает меня за предплечье и заставляет вновь повернуться к нему.

— Если соврала и перейдешь мне дорогу — тебе конец, — желтые глаза пылают опасным огнем. Его скулы напряжены, брови нахмурены. А затем он в одно мгновение расслабляется и отпускает меня. Разворачивается и небрежно машет мне рукой. — Адё!

Матвей спокойно идет к выходу и кричит девушке, которая всё это время терпеливо ждала его: «Идём!» Она догоняет его и тихо, с опаской спрашивает: «Матвей, кто это был?» И он, ни секунды не думая, отвечает: «Никто».

Никто.

Для таких, как Матвей, другие люди — пустое место. Он угрожает, что будет следить, но при этом даже не узнал, как меня зовут и точно ли я здесь учусь.

Никто? Он пожалеет об этих словах. Я стану для него *всем*, а потом отберу самое ценное.

Я покажу: это он — никто, и оставлю Матвею лишь пустоту.

Глава 2. Посмотри в глаза

В баре «Последний круг», повидавшем немало встреч и расставаний, играет старый блюз-рок. Только семь часов вечера, но все столики уже заняты. Раньше я не ходила по таким заведениям. Но кто знал, что взрослая жизнь столь быстро вносит свои коррективы? В последние несколько месяцев я стала слишком часто заглядывать в этот бар, скрытый на цокольном этаже, под изысканным рестораном французской кухни.

Я сижу в углу за маленьким и круглым деревянным столиком. Меня окутывает густая смесь ароматов: свежий мужской парфюм, пьянящая алкогольная дымка, затхлые ноты старой древесины и запах жареного мяса, проникающий с кухни. Хочется выйти на улицу и жадно глотнуть свежего воздуха. Но вместо этого я попиваю прохладную воду и терпеливо жду. Смотрю на экран смартфона, стараясь не замечать посетителей, в основном мужчин, отдыхающих в «Последнем круге» после работы. Ощущаю на себе чужие изучающие взгляды. Молодая девушка сидит одна в баре? Для многих это выглядит как вызов. От мыслей об этом по моей коже бежит неприятная дрожь.

С каких пор я стала неприкаянной везде? Как и в «Антаресе», здесь мне не место. Поэтому на меня откровенно пялятся. Но вдруг перестают — стоит только Стасу сесть пе-

редо мной. Высокий, широкоплечий парень закрывает меня собой от любопытных глаз, ставит на стол коктейль и плавно пододвигает его ко мне, придерживая тонкую ножку бокала длинными пальцами.

Я поднимаю голову и тут же убираю телефон в задний карман джинсов. На секунду у меня перехватывает дыхание. Взгляд Стаса — слишком прямой, слишком жгучий. Я пока не привыкла, что могу вот так спокойно сидеть вместе с парнем, который всегда казался мне слишком взрослым и недостижимым. Что могу встречаться с ним в старом баре и обсуждать вещи, о которых раньше не рискнула бы даже думать.

Я замечаю, что уголок его губ дрогнул — Стас несомненно уловил моё смятение, но всё же успел сдержать ухмылку. Теперь он расслабленно откидывается на спинку стула и кладет ногу на ногу.

— Привет, — говорю я, пытаюсь отбросить смущение и звучать уверенно.

— Рад тебя видеть, — в темных и обжигающих, будто эспрессо, глазах Стаса мерцают дразнящие огоньки. Из-за прямых ресниц, особенно длинных у внешних уголков глаз, его взгляд кажется по-лисий хитрым. В приглушенном освещении бара я не могу разглядеть границу между его зрачками и радужкой, отчего взгляд парня кажется бездонным и манит загадочной чернотой.

Тёмные волосы Стаса, уложенные нарочито небрежно, ка-

саются его длинной шеи, но не достают до плеч. Рваные пряди челки падают на лицо. В правом ухе поблескивает серебряная сережка. На шее висит тонкая цепочка и будто нарочно подчеркивает шрам, пересекающий шею слева, на несколько сантиметров выше ключицы. Однажды я спросила, откуда шрам, но Стас очевидно соврал: «Порезался, когда брился».

Сегодня он одет в черную рубашку и широкие темно-синие джинсы. Каким-то образом объемная одежда не скрывает, а подчеркивает его спортивную фигуру, а заодно и расслабленный стиль.

— Я не отвлекаю? — мне приходится наклониться ближе к парню, так как шум голосов становится всё громче и, смешиваясь с музыкой и звоном бокалов, превращается в навязчивый гул. С другой стороны, именно эта завеса шума помогает нам говорить спокойно и не опасаться, что кто-то подслушает наши секреты.

— У меня перерыв полчаса, — Стас пододвигается на стуле и приближает лицо к моему, чтобы я точно услышала его низкий и бархатистый голос в переполненном баре. Он никогда не кричит и не повышает тон, но его слова всегда становятся громкими для меня. Эхом звучат в моей голове, повторяясь снова и снова, даже когда парня уже нет рядом.

Стас — бармен в «Последнем круге», а ещё — друг моего брата. В прошлом мы уже пересекались, но обменивались лишь безучастными приветствиями. Стасу двадцать четыре, так же, как и Ване, но почему-то он всегда казался мне опыт-

нее и старше, чем другие в компании брата, хотя и не выглядел взрослее. Из всех парней, что бывали у нас дома, только он заставлял меня нервничать. А теперь всё изменилось, и мы делим общую тайну. Довольно грязную тайну, если быть честной.

Именно Стас помог мне поступить в «Антарес». Именно он выслушал мои безумные планы и поддержал. Именно Стас сказал мне, что очаровать Матвея Давыдова, использовать его для спасения Вани, а затем без жалости разбить сердце врага — не глупая фантазия, а вполне неплохая идея, которую можно воплотить в жизнь.

Однако первый день в «Антаресе» вновь заставил меня опасаться, что ничего не получится. Да, я задумала покорить Матвея. Втереться к нему в доверие. Узнать все секреты и разбудить его чувства. Но первая встреча в колледже с этим напыщенным эгоистом уже показала, что шансы мои совсем не велики. Я не смогу сдержать неприязнь. Не сумею быть очаровательной.

Теперь мне стыдно признаться Стасу, что я сразу так облажалась. Поэтому я пока избегаю главной темы.

— Что это? — кивком указываю на бокал.

— «Хемингуэй спешл». Тебе понравится, — Стас мягко улыбается. Он явно доволен своим выбором.

Я касаюсь холодного стекла, осторожно подношу бокал к губам и делаю маленький глоток. Ощущаю неожиданную свежесть, а затем легкую горечь грейпфрута. Холод коктей-

ля вдруг оборачивается пьянящей теплотой, которая разливается по горлу. До визитов в этот бар я не пила и почти ничего не знала об алкоголе. Но отказать человеку, который подбирает и делает напиток специально для тебя, оказалось сложно. «Просто попробуй», — раз за разом предлагал Стас. И я пробовала.

В конце концов, выпивка в баре — это не так уж страшно на фоне того, что мы со Стасом уже натворили.

Я доверилась этому парню, потому что ему доверял мой брат. Когда Ваня покидал дом, он быстро набросал на клочке бумаги номер друга, положил в боковой карман моей джинсовой куртки и сказал мне на ухо, сохраняя веселость в голосе вопреки всему: «Если что-то будет нужно, *что угодно*, обратиться к нему. Стас поможет. Он почти как я — только *хуже*».

Сначала я так и оставила эту записку в кармане. Было не до неё. «Что такого мне может понадобиться?» — наивно думала я. Но жизнь заставляет нас удивлять даже самих себя. Рассчитывала сделать всё сама, но вот я здесь — вновь прибежала за советами Стаса.

— Вкусно, — говорю я и делаю ещё один глоток коктейля.

Стас одобрительно кивает. Несмотря на волны смущения, которые порой на меня накатывают, с этим парнем почти всегда комфортно. Он словно излучает тихую уверенность. Двигается мягко, даже лениво. Сидит расслабленно и говорит неспеша. Свободный от напряжения и суеты, он заража-

ет меня ощущением легкости.

— Я думал о тебе, пока его готовил, — Стас смотрит на меня без тени неловкости, будто совсем не боится, что я уловлю в его словах скрытый, более личный смысл. — Надеюсь, что у тебя всё хорошо прошло в колледже в этот раз.

«В этот раз». Он не зря делает на этом акцент. Стас недолюбливает «Антарес» за то, что летом там со мной обошлись не очень красиво, но редко и едва заметно проявляет эту неприязнь. Сейчас его забота обо мне кажется неподдельной, но выражение лица так и остается непроницаемым. Стас слишком спокоен. Хотела бы я так уметь.

Наблюдая за ним, я вспоминаю нашу первую встречу. Какой же взвинченной и несобранной я была. А Стас, конечно, оставался невозмутимым. Его не выбила из колеи даже моя безумная просьба — срочно найти компромат на директора элитного колледжа.

Сначала я не помышляла ни о чем подобном. Летом, готовясь к экзамену, я надеялась, что справедливость наконец восторжествует. Что сама судьба ведет меня в «Антарес». Я привыкла быть первой в учебе и спорте, поэтому искренне верила в свой успех. Мне всегда нравилось чувство триумфа, которое возникает, когда оказываешься на вершине. Вершине списка, пьедестала или буквально — на высоте, в горах. Стоишь, понимая: «Да, я смогла!», и ощущаешь, как внутренняя опора становится всё крепче и надежнее.

Но «Антарес» выбил почву у меня из-под ног. Я без про-

блем справилась с вопросами на экзамене и выполнила творческое задание. Ждала оценок, уже предвкушая победу. И через неделю получила результат — 50 баллов из 100. В одно мгновение рухнули все мои надежды. С такой оценкой у меня не было шансов.

Пережив первый шок, я решила не сдаваться и подала апелляцию. Снова пришла в «Антарес», готовая бороться и отстаивать правоту. В назначенный день меня проводили в кабинет на первом этаже колледжа. Я шла, как в тумане, прокручивая в голове свою речь. Мне казалось, если не сдамся и покажу свою решимость — получу еще один шанс.

В просторном кабинете меня встретил мужчина с уставшим и раздраженным видом. Я поразилась, ведь это был сам директор колледжа. Ранее я видела его фотографии на сайте «Антареса». Мне показалось, это хороший знак — меня готов выслушать человек, чей голос тут много значит. Я вежливо поздоровалась и прошла в центр комнаты.

— У нас редко подают апелляции, — недовольно произнес директор, усевшись за свой стол. Он покопался в стопке бумаг и через пару мгновений протянул мою работу.

Приблизившись к столу, я дрожащими руками взяла бумаги и села напротив мужчины. Пока я взволнованно изучала исписанные страницы, директор со скучающим видом исследовал пейзаж за окном. Я просмотрела работу несколько раз и непонимающе уставилась на него.

— Простите, а мою работу точно проверяли? Здесь нет ни

одного исправления или комментария, а оценка — низкая, — неуверенно начала я.

— У вас нормальная оценка, — равнодушно бросил директор, даже не взглянув на меня.

— Пятьдесят из ста? Но почему? Я хочу знать, за что сняли баллы, — мой голос стал громче и настойчивее.

— Так решил проверяющий. И поставил вам достойную оценку, — директор оставался непоколебимым.

— Достойную? У меня вычли половину баллов! И даже не ясно, за что! — я начинала закипать, и руки, сжимающие листы, стали сильнее подрагивать от гнева.

— Да, достойную. У вас хорошая и справедливая оценка.

— Но почему? За что? — я вскочила с места и сделала шаг к столу. — Что не так с сочинением? Получается, за него мне поставили ноль? В ответах на тест вообще нет ошибок!

— Верно, и поэтому у вас хорошая оценка, — мужчина наконец повернулся ко мне и посмотрел в глаза холодно, равнодушно. Его безразличный вид говорил громче слов: «Ты ничего не добьёшься — и в этот раз, и по жизни».

От возмущения у меня перехватило дыхание. На глазах выступили слезы отчаяния, но я заморгала, чтобы сдержать их. Меня душило осознание, что бороться бесполезно. Я поняла, что любые мои вопросы и возмущения упрутся в эту ложь: «Хорошая оценка». Директор пришел не для того, чтобы разобраться, а лишь для вида. Чтобы любые мои аргументы отскакивали как мячик от стенки. Чтобы я ушла домой,

навсегда потеряв надежду попасть в «Антарес».

Обычные люди не учатся здесь. Ты — никто.

— Работу даже не смотрели, верно? — мои слова сочли-сь горечью. Я небрежно бросила бумаги на стол перед ди-ректором.

— Вашу работу смотрели, — мужчина сделал выразитель-ную паузу. Взгляд его стал тяжелым, в нем блеснуло презре-ние. — И поставили вам заслуженную оценку. Не переоце-нивайте свои способности.

Двери «Антареса» захлопнулись передо мной, и стучать в них не было смысла. По мнению руководства, я была не достойна не только учебы, но и адекватных объяснений. И лишь потому, что у меня не было денег и связей. В тот миг я отчетливо поняла, что бороться с людьми, подобными ди-ректору колледжа или Матвеем Давыдову, честным путем у меня не получится.

И я решила: пойду на всё, чтобы воплотить свой безум-ный план в жизнь. А ещё я хотела ударить в ответ — лично директора. За пренебрежение. За равнодушие. За тот уни-чижительный взгляд.

Я вышла из кабинета, хлопнув дверью, и в тот же вечер отыскала в куртке клочок бумаги с номером телефона. В го-лове крутились слова Вани, которые, как мне казалось, он выделил не просто так: «Что угодно». А если мне понадо-бится что-то очень плохое? *Что угодно.*

Сидя в своей комнате на кровати, я быстро набрала сооб-

шение для Стаса: «Привет, это Соня, сестра Вани. Он сказал, могу обратиться к тебе за помощью. Есть время встретиться?»»

И, к счастью, у парня оно нашлось. Сначала я была уверена, что Стас не ответит. Незнакомый номер, странное сообщение, просьба о помощи — кому всё это нужно? Но уже через пару мгновений пришёл ответ: «Привет! Бар «Последний круг». Сможешь завтра в три?» — писал Стас. Я тут же отправила: «Да! Спасибо!»»

Так я впервые попала сюда, в старый, но довольно уютный бар. В тот день я подошла к зданию, спустилась по лестнице и неуверенно подергала за ручку двери, но было закрыто. Попробовала ещё раз, но дверь не поддавалась. «Стас про меня забыл? — разочарованно подумала я. — Ну, конечно, забыл. Кому есть дело до проблем едва знакомой девчонки?»»

Я тяжело вздохнула, ощущая одновременно и горечь разочарования, и облегчение. «Зато не придётся позориться со столь ненормальной просьбой», — решила я. Но повернувшись к лестнице, чтобы уйти, вздрогнула: наверху, на первой ступеньке, стоял высокий парень и загоразживал свет. С расстояния он был похож на темную, вытянутую тень. Длинные ноги и руки, застывшая поза, неразличимые черты лица.

— Открываемся в четыре. Ты ведь Соня?

— Да... Стас? — мой голос прозвучал слишком высоко, обычно он таким не был.

Парень начал медленно спускаться, и я смогла рассмот-

реть его. Несомненно, это был Стас, но уже не такой худой и долговязый, как в моей памяти. Он возмужал и стал подтянутым, а на лице читалась более зрелая, спокойная уверенность.

— Рад встрече, — друг Вани остановился рядом и направил долгий, изучающий взгляд на моё лицо. Меня нельзя назвать низкой или миниатюрной девушкой, но парень все равно возвышался надо мной. — Ты выросла.

— Ты тоже, — я подняла голову и тихо рассмеялась. — Не помню, чтобы ты был таким высоким.

— Был, просто ты мало на меня смотрела, — он сказал это тихо и вкрадчиво, и я отчего-то смутилась.

Говорить со Стасом было странно. Мы вроде и были знакомы, но пересекались мало. Ваня называл его лучшим другом, но почему-то почти ничего о нём не рассказывал и редко приглашал домой. И вот мы с этим загадочным парнем оказались лицом к лицу. Знакомые — и всё-таки незнакомцы. Я ничего не знала о Стасе. И была не в курсе, много ли он знает обо мне.

Парень достал ключи, подошел к двери бара и открыл её. Приглашающим жестом пропустил меня вперед. Я вошла в темное помещение, слабо освещенное через несколько маленьких окон, висевших прямо под потолком. Пространство заполняли небольшие столы, деревянные стулья и несколько диванчиков у стены. В дальнем конце бара, с правой стороны, располагалась длинная барная стойка.

— У нас есть час до открытия. Пока нам никто не мешает, — приглушенно произнес Стас и запер дверь изнутри.

Меня охватило внезапное напряжение. Я оказалась заперта в полутемном подвале с малознакомым мужчиной. И все-таки ощущала не страх, а что-то другое. Тишина пустующего бара словно давила на меня и мешала свободно дышать. По спине пробежали щекочущие мурашки — мне показалось, что я почувствовала взгляд парня, скользнувший по моей фигуре

Стас неторопливо прошел мимо меня к барной стойке и встал за ней. Нажал на выключатель — и над стойкой зажглись лампы, окутавшие небольшую часть бара теплым свечением и превратившие эту зону в маленький островок света среди тьмы и серых теней. Я подошла ближе и забралась на высокий барный стул.

Стас на несколько минут пропал в подсобке, видимо, чтобы помыть руки. А когда вернулся, сразу обратился ко мне.

— Мне чертовски жаль, что так вышло с Ваней.

— Да, мне тоже.

— Мы с ребятами искали, как можно помочь, но сама знаешь, кто тут замешан. Оказалось сложнее, чем я ожидал, — парень опустил глаза и стал протирать стойку. Мне показалось, он ощущает себя виноватым из-за того, что не смог выручить друга.

Говоря о том, «кто замешан», Стас имел в виду отца Матвея — Сергея Давыдова. Человека, который использовал

деньги и связи, чтобы Ваня оказался за решеткой. К сожалению, мой брат нажил себе опасного врага. Слишком сложно тягаться с тем, у кого в друзьях — мэр города, судьи и прокуроры, начальник полиции и, должно быть, все важные люди в радиусе тысячи километров. Давыдов легко мог «потянуть за ниточки» и убрать с пути неугодного человека. Так вышло, что неугодным для него оказался Ваня, и повлиял на это Матвей.

— Ты ведь из-за Вани пришла? — спросил парень, не поднимая глаз. Он взял другую тряпку и стал протирать мензурки и бокалы.

— Да... Не совсем, — сбивчиво заговорила я. — Скорее, нет.

Оказавшись со Стасом лицом к лицу, я боялась озвучить реальную причину встречи. Собственный план стал казаться мне сумасшедшим.

— Нет? — Стас наконец посмотрел на меня и удивлённо приподнял одну бровь.

— Это покажется тебе глупым и странным. Я пойму, если ты откажешь. Но Ваня сказал, что к тебе можно обратиться за чем угодно. Даже если это что-то... Неправильное, — затараторила я.

— Стоп, стоп, — прервал меня Стаси успокаивающие провел ладонью в воздухе сверху вниз, словно пытался жестом снизить градус моего волнения. — Так маленькая сестрёнка пришла за чем-то... *Неправильным?*

Я ожидала, что он оскорбится. Разозлится, что я посчитала его кем-то, способным выполнять аморальные просьбы. Но вместо этого он хитро улыбнулся и отложил тряпку в сторону. Видимо, только в этот момент беседа перестала быть для него обременительной и скучной. Стас слегка наклонился ко мне через барную стойку. В глазах парня вспыхнул интерес.

— Я хочу найти компромат, — я тоже наклонилась к нему и понизила голос.

Теперь уже обе брови Стаса поднялись вверх. У него вырвался смешок.

— В этом городе никто не станет стучать на Давыдова.

Он имел в виду Давыдова-старшего, но и его сыну вредить бы побоялись. Похоже, лишь мне хватило глупости затеять что-то против Матвея. Но пока моей целью был кое-кто ещё.

— Речь о другом человеке, — я нашла на смартфоне фото и показала Стасу. — Это директор колледжа «Антарес».

— «Антарес»... Это местечко для богатых? — призадумался парень. — погоди, это ведь не связано с Давыдовым-младшим?

Я закусила губу. Не ожидала, что буду раскрыта так быстро. Проницательность Стаса заставила меня занервничать. И в то же время меня приятно удивило, что парня совсем не смутили мои слова про компромат. Его спокойная реакция на подобные заявления развязала мне язык, и я решила поделиться планами.

— Связано, но лишь частично, — уклончиво ответила я.
— Я хочу попасть в колледж, где он учится. Но кое-кто встал у меня на пути.

Я кратко рассказала Стасу об экзаменах и апелляции, несправедливой оценке и безучастной реакции директора. Делиться с парнем было легко, ведь на его лице не появилось и тени осуждения или недоумения.

— Неожиданно, — протянул он, когда я договорила. — Честно говоря, я думал, ты придёшь поплакаться о Ване. И совсем не ожидал, что ты предложишь такой комплект: компромат и шантаж. Интересно...

— Думаешь, можно что-то сделать? — я посмотрела на него с надеждой.

Стас глубоко вздохнул и, задумавшись, стал стучать кончиками пальцев по деревянной стойке. Я напряженно ждала ответа.

— В этом городе почти у всех есть грязные секреты, — наконец произнес он. — Думаю, я смогу найти то, что тебе нужно. Но твое дело может занять время. И понадобятся деньги. Не для меня — для тех, кто даст информацию.

— Деньги я принесу. А что именно ты планируешь делать? — меня впечатлило, что Стас так быстро согласился, даже не уточняя подробностей.

— Я ведь не задаю тебе лишних вопросов, верно?
Я кивнула.

— Давай построим наши отношения так, что в них *никто*

не задает лишних вопросов. Идет? — его голос звучал спокойно, но в то же время слегка игриво.

Снова кивнула.

— Я сделаю всё по-своему и найду то, что тебе поможет. То, что заставит этого человека поговорить с тобой более уважительно, — парень взглядом указал на экран моего смартфона. — Ты ведь этого хочешь?

— Именно. Хочу лишь уважительного и честного разговора, — подтвердила я. Мне понравились формулировки, которые он подбирал. Стас и правда оказался человеком, которому не нужно долго объяснять.

Он согласился на то дело — и всё вышло лучше, чем я ожидала. Точнее, всё обернулось *хуже*, чем я ожидала, но это было мне на руку. Секреты директора оказались и правда грязными. Мне это жутко не нравилось, зато чужие грехи открыли мне двери в «Антарес».

— Как первый день в колледже для элиты? — с легкой иронией спрашивает Стас, заставляя меня вернуться из воспоминаний в реальность. Я не против — думать о неприятных тайнах директора колледжа сейчас не хочется.

— К сожалению, пока не преуспела, — с неохотой отвечаю я. Пожалуй, ещё один глоток коктейля для смелости не помешает.

Парень молча ждет, пока я сама расскажу подробности, и смотрит на меня прямо, но мягко. Хорошо, что он знает про мои цели, и с ним можно говорить открыто.

— Я встретила его. Встретила Матвея.

Стас удовлетворенно кивает. Я пододвигаюсь еще ближе к парню, и наши лица оказываются совсем близко. Не хочу, чтобы кто-то ещё, помимо Стаса, услышал про мой провал, поэтому говорю практически ему на ухо. Подавив стеснение, нервно сглатываю и начинаю тихо делиться подробностями.

— Хорошая новость — он не помнит, кто я. Или вообще не знает. Плохая новость — встреча прошла, мягко скажем, не очень приятно.

Я детально рассказываю парню о столкновении с Матвеем в колледже. Как я случайно застала его в читальном зале с девушкой. Как он нашел меня, неловко застывшую у книжных полок. Как упустила шанс позаигрывать с ним и вместо этого вступила в конфронтацию. Как невольно навлекла на себя подозрения.

Делиться всем, что я там испытала, крайне неловко, но Стас делает вид, что не замечает моих заминок или того, как я застенчиво делаю паузы и отвожу взгляд. Он тихо усмехается, когда я описываю, в каком виде застала врага и упоминаю расстегнутую рубашку. Немного хмурится после прощального заявления Матвея: «Никто».

Договорив, я беру бокал и залпом допиваю оставшийся коктейль. Ром обжигает, а на губах остается приятная кислинка. После того, как я всем поделилась, на душе становится легче.

— Всё не так уж плохо, — Стас расслабленно откидыва-

ется на спинку стула и проводит рукой по волосам, зачесывая их назад. На его губах играет легкая улыбка. — Я бы даже сказал, что между вами проскочила искра. И обстановка была почти интимной.

Он так легко говорит о подобных вещах.

— Думаешь не все потеряно? — отодвинувшись от него, я словно выхожу из легкого транса и замечаю, что две девушки, сидящие за барной стойкой, неприязненно косятся на меня.

Проследив за моим взглядом, Стас оборачивается и подмигивает им игриво, непринужденно. Девушки тут же переглядываются и хихикают. Одна толкает другую в бок. Мне становится ясно, что они пришли в бар ради конкретного бармена.

— Постоянные гости, — парень снова смотрит на меня и подтверждает мою догадку.

— Если тебе нужно идти...

— Сначала наши дела, — Стас остается расслабленным и никуда не торопится. — Важно то, что Матвей обратил на тебя внимание. Невозможно не обратить.

Он бросает комплименты между делом, естественно и открыто. Взгляд вторит его словам — парень смотрит с одобрением и интересом, отчего заявление кажется искренним и вселяет уверенность. Внутри разливается теплота — почти такая же, как от коктейля, но более мягкая и приятная.

— Пока он насторожен... Но мы ведь и не думали, что

получится сразу его очаровать, верно? — успокаивает меня Стас.

— Верно, — киваю я.

Да, звучит абсурдно. Несмотря на то, что я тайно мечтаю разрушить жизнь Матвея, мне нужно его очаровать. Вызвать интерес и, главное, втереться к нему в доверие. Во всей этой идее есть только один изъян — я совершенно не знаю, как быть обаятельной и соблазнительной. Не умею нравиться парням и пробуждать чувства. Но Стас вызвался помочь мне с этим и теперь дает советы, как заставить сердце Матвея биться чаще. Мне было бы проще напугать Давыдова, чтобы его пульс заметно участился, но Стас обычно предлагает более тонкие методы.

— Мы только начинаем, — мой наставник коварно улыбается.

— Я беспокоюсь. Говорят, что первое впечатление очень важно. А я вела себя глупо. Похоже, он счел меня скорее грубой и невежественной, чем привлекательной.

— Иногда обманчивое первое впечатление даже лучше, — задумчиво произносит Стас и наклоняет голову влево, изучая мое лицо с таким любопытством, будто видит его впервые.

Я вопросительно смотрю на него.

— Пусть недооценивает тебя. Это поможет немного сбить его с толку и удивить в будущем. А ещё — усыпит его бдительность.

Ход мыслей Стаса пока не до конца мне понятен, но меня восхищает его способность видеть возможность во всем, даже в провале.

— Используем его высокомерие и самоуверенность, — в черных глазах парня пляшут лукавые огоньки. — Незаметно для него самого загоним золотого мальчика под твой каблук. И пусть богатый папочка попробует его оттуда достать.

Слова Стаса излучают предвкушение победы. Он смотрит на меня так, будто я — беспроигрышный шанс. Он верит в меня, и эта вера пьянит. От неё в душе разливается эйфория. Я смогу. Я буду вертеть Матвеем, как захочу. Как же это будет приятно.

— Скажу тебе честно, впечатлить его сразу у тебя почти не было шансов, — признает Стас. — Ты сама говорила, что парень пресыщенный и скучающий. Ну чем его можно мгновенно покорить?

Я лишь пожимаю плечами.

— Эта игра будет долгой и непростой, но у тебя получится. А главное — он сказал, что будет за тобой наблюдать. Внимание тебе обеспечено.

— И что мне делать? С чего начать? — от уверенности Стаса в моей душе просыпается жажда действий.

— Ты пока... Тоже смотри на него. Но ничего не делай. Никаких очевидных шагов, поняла?

— Просто смотреть? — я недоверчиво хмурюсь.

— Ты правда думаешь, что смотреть — это просто? То-

гда давай, посмотри на вон того парня, — Стас немного отодвигает свой стул в сторону, открывая мне вид на посетителя бара. — И когда он обернется, не отводи взгляд. Смотри прямо ему в глаза.

Я глубоко вдыхаю и сосредотачиваюсь на госте, которого выбрал Стас. Незнакомец сидит за столиком в другом углу бара и увлеченно болтает с приятелем. Я внимательно смотрю примерно минуту, но ничего не происходит. Моргаю. Ещё несколько мгновений — и незнакомец вдруг чувствует что-то. Мое внимание будто становится осязаемым. Парень переводит взгляд с лица собеседника прямо на меня. Через весь бар. Видит моё напряженное лицо, испуганные глаза, сжатые от волнения губы...

Я выдерживаю зрительный контакт лишь пару секунд и быстро прячусь за фигуру Стаса. Но незнакомец продолжает изучать меня — я чувствую это, по коже бегут мурашки.

— Смотрела так, будто он твою кошку убил, — усмехается мой собеседник. — Расслабься. Нужно мягче это делать, с интересом.

— Но у меня ведь нет интереса. И кошки, — я все ещё чувствую себя неловко и боюсь проверить, смотрит ли незнакомец или уже отвернулся.

— Так учись притворяться! В этом вся суть нашего плана. Давай учиться, — Стас снова двигает стул, чтобы оказаться прямо напротив меня. — Посмотри мне в глаза.

— Что? Сейчас? — я растерянно моргаю.

— Сейчас, — без предупреждения он направляет на меня прямой взгляд. Я не успеваю сосредоточиться и безвольно замираю на стуле. Во взгляде Стаса нет напряжения. Он изучающий и внимательный, но по-прежнему мягкий. Он притягивает мое внимание вопреки нежеланию и волнению. Я распахиваю глаза и смотрю в лицо парню. Окружающий мир расплывается и погружается в мутную дымку.

Я ощущаю, как все мое тело наливается тяжестью. В баре будто постепенно повышается температура и становится меньше воздуха. Как же сложно. Смотреть ему в глаза, в эти темные, почти черные глаза с игривым блеском — настоящее испытание. Продержавшись лишь несколько секунд, я отворачиваюсь и потираю веки. Проиграла.

— Ты так напряженно смотришь, будто в гляделки играешь. Расслабься, взгляды током не бьют, — уверяет Стас.

Однако его взгляд бьет. Кажется спокойным, но бьет жгучим током, который запускает искры по всему телу. Этот взгляд прожигает насквозь.

— Ещё раз, — настойчиво требует мой наставник. — Но помни, ты — не жертва чужой игры. Это твой взгляд — опасный. Это он кружит головы.

Я глубоко вдыхаю, набираюсь решимости и поднимаю глаза. Вновь встречаюсь со смелым и откровенным взглядом Стаса. Тело опять реагирует так же. Каждая клетка будто требует: «Отвернись! Убегай!» Сами веки словно начинают тяжелеть. Но теперь я стараюсь глубже дышать носом. Пы-

таюсь расслабить напряженные плечи. Слегка приподнимаю подбородок, притворяясь уверенной и сильной.

Стас подбадривает меня едва заметной полуулыбкой. По моей спине проплывает теплая волна мурашек.

Я сосредотачиваюсь на темных, блестящих глазах. И медленно тону в их черноте. Дыхание замедляется. Волнующая дрожь в теле превращается в легкое, почти приятное покалывание. Тысячи мелких, невидимых иголочек касаются моей кожи, но я терплю и привыкаю к этому странному чувству. Взгляд затуманивается, но я моргаю, чтобы, испытывая себя, видеть всё четко.

Тело понемногу расслабляется, но сердце по-прежнему стучит быстро — ему сложнее привыкнуть к откровенному молчаливому диалогу. Погружаясь в глубину чужого взгляда, столь уверенного и потому притягательного, я перестаю видеть всё, что нас окружает, ощущать запахи и слышать шум заполненного бара. Мы отделились от всех. Только он и я — доверительно говорим без единого звука.

Стас медленно моргает и, открыв глаза, смотрит с ещё большей теплотой. Теперь он доволен — это понятно без слов. Но эта теплота обжигает — и мне снова становится сложно. Голова начинает кружиться, и я всё-таки сдаюсь — первая отвожу взгляд.

— Вот, уже лучше, — ободряюще говорит парень, явно не ощутивший никакой неловкости. — Поймай это чувство. В следующий раз не ты, а мужчина должен обжечься и опу-

стить глаза. Пусть это будет Матвей.

«Стас!» — резкий выкрик со стороны барной стойки нарушает нашу беседу и развеивает интригующую ауру, которая возникла в процессе необычного урока от моего наставника. Коллега зовет его. Видимо, перерыв подошел к концу.

— Мне пора за работу, — говорит парень. — Попрактикуйся у зеркала. А потом уже на Матвее.

Он встает из-за столика и возвращается за стойку, тут же обращаясь к девушкам, которые его ждали. А я остаюсь одна, но уже с совсем новым взглядом на то, как пройдут ближайшие дни в «Антаресе».

Глава 3. Устрой эффектное появление

Меняясь под давлением тяжёлых обстоятельств, остаемся ли мы собой? Или превращаемся в совсем других людей? А может, наконец обретаем отточенную, четкую версию себя?

Гуляя по длинным коридорам «Антареса», я размышляю, останется ли во мне к концу учебного года хотя бы частичка того человека, которым я была ещё весной? И знаю ли я вообще, кем именно была? В последнее время мне кажется, что, перестав притворяться и продумывать шаги, я просто застыну на месте. Буду стоять, не зная, что делать и говорить.

К счастью, у меня есть подсказки Стаса, которые помогают мне в непростой переходный период. И сейчас я как раз должна делать то, что он говорил. Заметив среди идущих студентов знакомую фигуру Матвея, от которой в душе проходит рябь раздражения, я понимаю: это мой шанс проверить свои новые навыки. Прошлым вечером, тренируя взгляд у зеркала, я чувствовала себя такой смешной и нелепой. И за эти сомнительные ощущения отыграюсь я, естественно, на Матвее.

Отхожу к стене, опираюсь на неё спиной и вновь нахожу взглядом парня, который неспешно идет по длинному коридору к аудитории. Он держит гордую осанку и движется пря-

мо, вынуждая других отступать в сторону. А я продолжаю следить. Матвей, который и без того никуда не торопился, вдруг замедляется. У самых дверей в аудиторию он останавливается и оборачивается. В пространстве между нами мельтешат люди, но он вылавливает мой решительный, заинтересованный взгляд и отвечает на него уверенно и дерзко. Будто знал, что именно увидит, обернувшись.

Какой прогресс — теперь этот парень меня замечает. Мой первый порыв — как и всегда отвернуться. Сделать вид, что я не смотрела. Но я задействую всю внутреннюю силу, чтобы удержать контакт. Как иронично: Матвей обещал за мной наблюдать, но теперь за ним наблюдаю я. Желание насолить врагу подогревает уверенность и гасит страх. Мой взгляд, слегка насмешливый и нарочито прямой, кричит на весь коридор: «Ты ведь не думал, что я испугаюсь?»

Матвей смело смотрит в ответ, и, признаться, это всё же меня волнует. Совсем немного. Мурашки бегут от шеи и скользят по спине. Я слегка двигаю плечами, словно так могу их сбросить. Неуверенный жест не ускользает от Матвея — правый уголок его губ насмешливо приподнимается.

Я знаю, что Матвей мог бы просто поймать мой взгляд, отвернуться и пойти дальше. Но парень включается в игру. Слегка прищуривает глаза, но так и стоит вполоборота, не разрывая зрительный контакт. В моей груди разгорается огонек азарта. Искры от него разлетаются по телу. Я не проиграю.

Отбросив опасения, я плавно погружаюсь в теплоту медовых глаз. По телу будто разливается густая, горячая смола. Стараюсь ровно дышать и моргать спокойно. На лице Матвея все-таки отражается легкое удивление — он не ожидал, что я совсем не стану скрываться. Что так и продолжу бесстыдно смотреть на него.

Медленно выдыхая, тону в золотистом сиянии. Вижу, что парень тоже слегка напряжен, но не сдаётся. Однако ему не дают победить: преподаватель подходит к аудитории и требует, чтобы Матвей зашел внутрь и не загораживал проход. Парню приходится отвернуться. Он пропускает преподавателя и следует за ним. Однако, медленно закрывая большую деревянную дверь, Матвей снова находит глазами меня и сверлит взглядом через сужающуюся щель, пока дверь окончательно не захлопывается.

Моё тело наконец расслабляется, и я начинаю дышать свободно. Кажется, в этот раз всё прошло не так уж плохо. Ощущая себя победительницей, я отправляюсь на свою пару.

Конечно, я не выискиваю Матвея специально, но планирую не упускать возможности, которые попадают мне на пути. После занятий я вижу парня в холле на первом этаже, но пересекаюсь с ним взглядом лишь на пару секунд. Я не собираюсь быть предсказуемой и устраивать игру в гляделки каждый раз. Он замечает меня, но мне удаётся быстро затеряться среди других студентов. Пусть иногда сам ищет встречи, если так хочет разгадать мои мотивы.

Следующим утром поднимаюсь по лестнице на второй этаж и делаю вид, что вовсе не замечаю Давыдова, который спускается и едва не задевает меня плечом. А вот во время обеденного перерыва в столовой, больше похожей на большой ресторан, я специально устраиваюсь неподалеку от столика, где сидит мой враг и его друзья.

Матвей уже доел свой обед и болтает с верными спутниками — парнем и девушкой, которых я часто вижу рядом с ним. Я быстро уплетаю еду и отставляю тарелку в сторону. Теперь я могу спокойно сидеть, положив подбородок на ладонь, и задумчиво изучать лицо виновника моих трудностей. Сколько же яда кроется за этими правильными чертами. Мерзким характером парень явно похож на папу, а внешностью — точно нет. Если его отец — «бизнесмен», наживший состояние в 90-х, а на деле — бывший бандит, то мать, должно быть, блондинка-модель или актриса с кукольной внешностью.

Необычный, практически желтый цвет глаз Матвея идеально сочетается со светло-русыми волосами. Благодаря тонкому носу с лёгкой горбинкой его внешность кажется не слишком смазливой. Родинка прямо у левого уголка пухлых губ выглядит как безупречный финальный штрих. Такое светлое, невинное лицо, а за ним скрывается столь темная душа. Демон с ангельской внешностью — это классика. Но красотой меня не обманешь.

Кажется, у Матвея радар на чужое внимание: он отвле-

кается от беседы с друзьями и поворачивает голову в мою сторону. Смотрит не меня — глаза в глаза. Между нами — несколько больших и пустующих столов, но все же мы ближе, чем в прошлый раз в коридоре. Я с трудом сдерживаю желание опустить голову и рассмотреть остатки еды в тарелке. Во рту резко пересохло. Напрягаются челюсть и шея, за ними — плечи и руки. Стоило тренироваться усерднее.

Я вспоминаю, что нужно дышать. Пробую смотреть на точку у парня на лбу, но взгляд сам возвращается к его глазам, сосредоточенным на мне и пронизательным. От молчаливого диалога между нами словно натягивается невидимая нить. Тянущее чувство, возникшее в груди, где-то слева, тревожит меня и заставляет напрячься. От волнения будто сводит живот.

Но неожиданно в голове звучит мягкий голос Стаса: «Этот твой взгляд опасен. Это он кружит головы». Удовольствие от этих слов растекается по телу, как теплый и сладкий мед, расслабляя мышцы, усмиряя волнение и заставляя меня хитро улыбнуться. Будто гипноз, внушение, аутотренинг — техники Стаса работают, забирая мой страх. В этот момент в глазах Матвея появляется странный блеск. На бледных щеках парня проступает едва заметный румянец. Или мне это только кажется? Может быть, игра послеобеденного света?

Он видит меня — а я его. На пару мгновений всё остальное вокруг исчезает. Меня поглощает странное чувство, будто Матвей и правда может что-то разглядеть в моих глазах.

Проникнуть в самую душу и увидеть скрытую правду. По коже бежит холодок.

Больше так делать нельзя. На первое время хватит. Это ведь не битва, а просто намек, верно? Я опускаю голову и запрокидываю за ухо прядь волос. Глубоко и медленно вдыхаю, чтобы успокоить учащённое сердцебиение. И вдруг передо мной возникает фигура. На стол падает тень.

Я резко поднимаю голову. К счастью, это не Матвей. Передо мной стоит Диана и загораживает парня, который так и сидит с друзьями.

— Ты слышала, что в пятницу будет вечеринка в честь начала учебного года? — говорит она без предисловий.

— Нет, — рассеянно отвечаю я. Сердце всё ещё учащенно стучит от волнения.

— Ты, похоже, без меня в «Антаресе» не выживешь, — усмехается девушка и скрещивает руки на груди. — В каком трансе ты всё время пребываешь?

— Просто пока не могу осознать, что я и правда тут, — не самая искусная, но вполне правдоподобная ложь. Не буду же я рассказывать Диане, что погружена в планы мести и мысли о парне, которого ненавижу. И объяснять ей, почему вместо учебы занята тем, чтобы строить этому демону глазки.

— Может, хоть на вечеринке осознаешь. Увидишь темную сторону колледжа, и всё наконец-то станет реальным.

Вопросительно смотрю на Диану. Интересно, что «темное», по её мнению, мы увидим? Мне стыдно признаться но-

вой знакомой, что я особо не ходила по вечеринкам и почти ничего о них не знаю. В нашей семье вечеринки любит Ваня. И, видимо, весь запас веселости, общительности и обаяния, заложенный в наше наследство, уже достался ему. Жаль, на мужчин из семьи Давыдовых его харизма впечатления не произвела.

— Думаешь, будет что-то жуткое, как в фильмах про вечеринки тайных элитных обществ? — я пытаюсь скрыть свою неопытность за шуткой.

— Думаю, первокурсники напьются и будут блевать в туалете, — Диана закатывает глаза. — Кто-нибудь снимет с себя слишком много одежды, а новые парочки покажут свою страсть прямо в главном холле.

— Ты меня точно приглашаешь, а не отговариваешь?

Я улыбаюсь, но мысленно отмечаю, что подобная вечеринка — отличная возможность узнать что-нибудь интересное. За последние месяцы я уже успела понять, что информация — ценный ресурс, и чужие ошибки или секреты могут быть очень полезны.

— Я думаю, ты понимаешь, что такое шоу нельзя пропустить, — глаза Дианы хитро блестят. Мне нравится с ней общаться, и все же вынуждена признать, что с этой девушкой стоит быть осторожной. Она явно многое знает о людях и внимательно за ними наблюдает, делая свои выводы.

— Ладно, тогда я приду.

— Встретимся в главном зале на первом этаже, — тряхнув

волосами, Диана уходит. За столиком, где сидел Матвей, уже никого нет.

Плюс одна забота. У меня есть всего пара дней, чтобы подготовиться к мероприятию. И я уже знаю, кто сможет помочь. Мне не хочется злоупотреблять добротой Стаса, но на этом этапе мне пока трудно справляться без его поддержки. Выхожу из столовой, нахожу укромное место в конце коридора и звоню другу брата.

— Привет, ты не занят? Можешь говорить? — бормочу я в трубку.

— Перестань об этом спрашивать. Для тебя я всегда свободен, — отвечает Стас. — И сегодня у меня выходной.

Его учтивость успокаивает, и моё напряжение в теле заметно спадает.

— У меня тут проблема. Или возможность. Я уже перестала их различать.

— Выбираю второе.

— Ладно. В общем, в пятницу в «Антаресе» будет вечеринка.

— Это определено возможность. Тебе нужно появиться там эффектно и привлечь внимание, — Стас тут же понимает, чего я от него жду, и начинает набрасывать план действий.

— Но я не знаю, как. В этом и проблема.

— Ты ведь понимаешь, что в оболыщении внешность и образ играют далеко не последнюю роль? — в тоне Стаса

слышится легкая снисходительность.

— Мужчины любят глазами и всё такое. Да, я в курсе.

— Всё не так примитивно. Но твой образ должен цеплять. И вечеринка — отличный шанс показать себя, — кажется, Стаса воодушевляет такое стечение обстоятельств. — Ничего сложного, Соня. Тебе просто нужно роскошно выглядеть, и внимание обеспечено.

— *Просто* роскошно выглядеть? — я не могу сдержать возмущенный взглас. Мне такая миссия совсем не кажется лёгкой. Кроме того, у меня нет подходящей одежды. Я бы давно опозорилась в «Антаресе», если бы нужно было самой выбирать вещи, а не носить форму колледжа.

— У меня есть накопленные деньги, и, наверное, я смогу купить наряд. Но мне нужна помощь с выбором, — произношу я с неохотой. Я бы предпочла потратить средства на помощь Ване, нового адвоката или наёмника, который поколотит Давыдова, а не на тряпки. Приходится напомнить себе, что поход на вечеринку и образ для неё — тоже часть плана по спасению брата, как бы глупо это не звучало.

— Мы не будем устраивать сцену с шопингом и переодеванием, как в фильмах, — усмехается Стас.

А жаль. Или нет? Ненавижу походы по магазинам. Но, кажется, со Стасом и это было бы весело. Я представляю, как выхожу из примерочной в платье, изящно кружусь и вопрошительно смотрю на парня. А он, по всем канонам жанра, застывает на месте с удивленно распахнутыми глазами и не мо-

жет подобрать слов. В реальности Стас, конечно, подобрал бы слова. И уверенно бы сказал: «Ты хороша, но можно и лучше. Дайте нам вон то платье». И обаятельно улыбнулся бы продавщице. Он наверняка знает женщин намного красивее меня. Но в моем воображении для них и смущенных продавщиц места нет.

— У меня есть подруга с отменным вкусом. И фигурой, похожей на твою, — продолжает парень. — Я одолжу у неё что-нибудь и отправлю тебе с курьером.

Конечно же, у него есть «подруга». И у неё отменный вкус в отличие от меня. Я невольно хмурюсь.

— Но с прической и макияжем ты уж сама разберись. Я всё же не фея-крестная, — насмешливо заявляет Стас.

— Только не делай из меня Золушку! — громко протестую я. Если и быть героиней, то хотя бы кем-то вроде Мулань или Марьи Моревны.

Стас тихо смеется в трубку.

— Всё, что я тебе передам, не исчезнет после полуночи. И, к счастью, наш принц уже знает тебя в лицо.

— Ладно, — уже с легкой улыбкой говорю я. — Спасибо тебе большое, Стас.

— Не за что, — отвечает он, и по голосу я понимаю, что парень тоже улыбается. — Но помни, мы не в сказке. Туфли придется вернуть.

Через пару дней рано утром мне доставляют две коробки. Я не успеваю их открыть, потому что бегу на пары. Весь день

я с нетерпением жду возвращения домой. Пишу Ане, моей лучшей подруге, и прошу её помочь мне с прической и макияжем. Аня обещает зайти после шести.

И вот, ближе к семи вечера, я стою перед зеркалом и не узнаю себя. Смотрю на отражение и вижу незнакомку. Кто это?

Её волосы, в отличие от моих неуправляемых и пушистых, выглядят аккуратно. Они уложены в элегантный пучок. После лёгкого макияжа взгляд кажется непривычно взрослым и открытым, а скулы более выраженными. Вместо привычных джинсов и майки — длинное и утонченное золотистое платье на бретелях. Ткань цвета осенних листьев изящно струится вниз и будто подчеркивает сияющий загар на руках, плечах и спине — последнее напоминание о пролетевшем лете. В этом платье я кажусь выше. Выгляжу не угловатой и худой, как мне кажется обычно, а стройной и хрупкой.

Разве это я?

— Блин, тебя вообще не узнать! — восклицает Аня, сидящая на моей кровати. — Выглядишь так роскошно.

— Комплимент и оскорбление — два по цене одного, — шутливо бросаю я.

— Ты поняла, что я имею в виду. Твой обычный стиль максимально далек от понятия «роскошь».

— Удобные спортивные штаны — вот настоящая роскошь.

— Действительно, такое не каждый может себе позволить,

— ухмыляется Аня. — Особенно на вечеринках в элитных колледжах.

Смотрю на своё отражение и вздыхаю. В следующий раз точно пойду в спортивном костюме. И плевать мне, что там другие подумают. Но в этот вечер мне отчаянно хочется не подвести Стаса, который так постарался ради меня. И Ваню, хоть он и не подозревает о моих сумасшедших задумках.

Подхожу к большой кровати, на которой по-турецки сидит Аня. Возле нее лежит вторая коробка, которую я наконец решаю открыть.

— О нет! Только не туфли на каблуке! — я разочарованно отбрасываю крышку в сторону.

— Это не туфли, а босоножки, — уточняет Аня. — И очень шикарные. Я видела похожие на фотке у Миланы Берг.

Туфли, а точнее босоножки, — золотистые, как и платье. На тоненьком, но хотя бы не очень высоком каблуке. Интересно, угадал ли Стас размер? Если нет, то что я буду делать? Мне стоило подумать об этом заранее.

— И часто ты фотки актрис рассматриваешь? — спрашиваю я, слегка раздраженная тем, что мне весь вечер придется ковылять на этих спичках, которые выдают за каблук.

— Ой, не делай вид, что твоя лента не забита новостями про Милану, — подруга закатывает глаза.

Я перестаю вредничать, так как благодарна Ане: именно она принесла огромную косметичку, успела сделать мне макияж и прическу, а заодно накрасилась сама. Моя подруга

очень хороша в этом. Сегодня её голубые глаза подчеркнуты светло-синими мерцающими тенями. Розовые румяна освежают светлую кожу с едва заметными веснушками. Русые волосы заправлены за уши. Со времен средней школы Аня всегда ходит с аккуратным каре.

Я достаю босоножки из коробки и примеряю. Застегиваю тонкие ремешки на щиколотках. Босоножки подошли идеально. Наблюдательность Стаса начинает немного пугать, ведь он угадал с размером и одежды, и обуви. А я ни разу не замечала, чтобы он открыто меня рассматривал. Я ощущаю, как щеки внезапно начинают гореть. Неужели и правда разглядывал? Хорошо, что тональный крем скрывает возникший румянец. Я начинаю видеть плюсы макияжа!

Ане я пока не рассказывала ни про Стаса, ни про свой безумный план по использованию Матвея и спасению Вани. Мы дружим с шести лет, и я ей полностью доверяю. Но ещё я знаю, что Аня даже по малейшему поводу начинает тревожиться и сходить с ума. Она точно начнёт меня отговаривать, а мне пока хватает и своих сомнений. Я должна действовать, а не слушать её прогнозы, как плохо всё может закончиться для меня. Как Давыдов меня уничтожит.

Не хочу, чтобы она переживала. Поэтому пока я наврала Ане, что поступила в «Антарес» ради «светлого будущего». А платье и обувь якобы взяла у своей новой однокурсницы из колледжа.

Аня подходит ко мне и проводит пальцем по ключицам.

На коже остаётся золотистое сияние.

— Добавим ещё и сюда хайлайтер, — комментирует она.
— Теперь ты буквально сияешь.

— Спасибо!

— Там ещё кое-что в коробке было, — Аня протягивает мне небольшую сумочку, обшитую бисером. — Теперь образ точно готов.

Я снова оборачиваюсь к зеркалу. Кто эта девушка? Разве можно выглядеть так элегантно и аккуратно, если совершаешь ужасные вещи? После того, что я успела сделать, не должно ли в моем образе появиться что-то отталкивающее и жёсткое? Почему все по-прежнему так... Правильно?

Но потом я вспоминаю Матвея. Аристократичную внешность, на которой не остаётся ни единого следа от его гадких поступков. Я стану такой же, как и он. Обманчиво прекрасной, но жестокой и коварной внутри. И люди не догадаются о том, что я творила. Никто и никогда не узнает. Кроме Стаса. Никто. Даже Аня и мой брат.

Пора отбросить сомнения и отправиться на вечеринку. Возможно, я и правда смогу появиться эффектно. Должна признать, у Стаса есть вкус. На одежду или подруг — я не знаю. А может, на то и другое сразу. Образ красив, и это дарит уверенность, но все же мне не очень удобно на каблуках и в этом наряде. У платья — открытая спина, и от этого я немного стесняюсь. Непривычно. Мое платье не преобразится в полночь, но вот моё терпение точно лопнет к этому

времени, так что лучше поторопиться и быстрее покончить с этой вечеринкой.

Праздник устраивают в просторном зале в левом крыле «Антареса». Я не бывала тут раньше. Прохожу через распахнутые двери и вижу перед собой небольшую сцену, на которой уже играет группа. Четыре симпатичных парня исполняют каверы на популярные песни.

С потолка свисает огромная люстра с переливающимися «капельками» хрусталя. У стен справа и слева расположены длинные столы с закусками и бокалами. Ближе к центру расставлены накрытые белоснежными скатертями круглые столики, возле которых уже общаются изысканно одетые парни и девушки. По залу торопливо снуют официанты с подносами. Мне вспоминаются вечеринки в школе, где мы готовили и убрали все сами, и я невольно улыбаюсь от этого контраста.

Я двигаюсь вперед и замечаю, что у одного из маленьких столов стоит Матвей и двое его друзей. В залелюдно, поэтому я могу приблизиться к ним незаметно и немного подслушать. На меня никто не смотрит — вот вам и «эффектное появление». Но я не буду расстраиваться. У незаметности тоже есть свои плюсы. Она даёт мне шанс наблюдать за другими.

Появись я в спортивных штанах и кроссовках — вот, что было бы действительно эффектно. Тогда бы все точно глазе-ли на меня. А сейчас — я лишь одна из десятков девушек в

элегантных вечерних платьях, поэтому легко могу затеряться в толпе. Я останавливаюсь у столика и, оставаясь спиной к Матвею и его спутникам, прислушиваюсь.

— Это самая скучная вечеринка в мире, — жалуется его друг. — Я должен был родиться лет на 20 раньше, в период расцвета гламура. Вот тогда бы повеселился.

Я поворачиваю голову и вижу, что парень скучающе крутит бокал, разбалтывая содержимое. Матвей лишь хмыкает в ответ.

— А что? — продолжает его друг. — Ты видишь это? Все просто нудно болтают. Девчонки больше не выпрыгивают из тортов, люди не поливают друг друга шампанским и не разбрасывают купюры. Никто теперь не носит мини и не вылезает из тачки без белья.

— Хочешь я тебя из бокала игристым вином полью? — шутливо спрашивает девушка, которую я постоянно вижу в компании этих двоих.

— Лучше намажь меня взбитыми сливками.

Девушка закатывает глаза.

— Перестань нудеть, Руслан. Мы же в колледже, а не в клубе. Радуйся, что тут хоть алкоголь разрешили.

— Ладно, перестаю, — он примирительно улыбается спутнице. — Если я буду нудеть, то что же тогда делать Матвею?

Друзья Матвея хихикают, а он бросает на них долгий взгляд, в котором однако нет ни обиды, ни злобы.

— Мне нужно было родиться на 20 лет раньше, а Матвею на все 200, — продолжает подкалывать друга Руслан. — Слушал бы классику и вёл беседы на французском на светских вечерах.

— Двести лет назад жили те ещё извращенцы, — вступается девушка. — Так что Матвей веселился бы куда круче тебя.

Поняв, что мой враг отмаличивается, я решаю ещё немного осмотреться и вдруг замечаю у длинного стола в другом конце зала Диану. Спешу в её сторону, чтобы поздороваться. Девушка замечает меня, слегка наклоняет голову на бок и приветственно машет. На ней обтягивающее изумрудное платье до колен. Её зеленые глаза теперь сияют еще ярче.

— Привет, — говорю я, приблизившись.

— Привет. Отлично выглядишь, — произносит Диана, уже попивающая вино. — Учла мой комментарий по поводу сумочки?

— Эээ да, — мгновенно отвечаю я, но тут же тянусь к столу и беру канapé с креветкой. Неуклюжий маневр, чтобы спрятать глаза и скрыть: я без понятия, дорогая ли сумочка у меня на плече. Похоже, какой-то известный бренд. — Тебе очень идёт это платье.

Диана довольно улыбается. Её длинные волосы уложены изящными, мягкими волнами. На шее — кулон с сердечком, который притягивает дополнительное внимание к откровенному декольте. Я осматриваю зал и замечаю, что мно-

гие взгляды обращены к нам. Наверняка все парни глазают на Диану. Кто на нас точно не смотрит — так это, конечно, Матвей. Руслан по-прежнему что-то увлеченно рассказывает и активно жестикулирует, а вот его собеседник кажется скучающим и отвечает лишь едва заметными ухмылками.

Но неожиданно Матвей оживляется. Он резко переводит взгляд с друга прямо на меня. Мое тело будто пробивает током. На миг мне кажется, что музыка затихла, и все в зале замерли. Парень не просто смотрит — в этот раз он расправляет плечи, рукой зачесывает назад светлые волосы, спадающие на лицо, и делает решительный шаг в мою сторону. Матвей смотрит прямо. Он направляется к нам.

Теперь мне уже не хватает смелости смотреть на него и я начинаю рассеянно озираться, не зная, куда себя деть. В голове суетливо кружатся мысли о том, что я переоценила свои силы. Что же делать? Я не готова. Я не могу так сразу столкнуться с ним.

— Ты в порядке? — прерывает мою панику Диана. — Оу...

Она тоже замечает Матвея, который стремительно движется к нам через весь зал.

— Мне лучше вам не мешать? — девушка игриво приподнимает бровь, но взгляд её остаётся внимательным. — Или твоя тихая паника — это крик о помощи?

Я суетливо хватаю бокал и делаю большой глоток.

— Пока не знаю.

Алкоголь, выпитый на голодный желудок, быстро бьёт в голову. Одна креветка от голода не помогла.

— Я пока вас оставлю, но буду неподалеку, — решает Диана и делает вид, будто отошла за соком.

А я набираюсь смелости взглянуть в лицо сложившейся ситуации. Убираю бокал и, выпрямив спину, улыбаюсь Матвею, который останавливается передо мной. Боюсь, улыбка выходит нервной и не добавляет мне очарования.

— Ты смотришь на меня, — без приветствий и предисловий заявляет Матвей.

— Что? — я изображаю замешательство. Это несложно, ведь я и правда выбита из колеи его приближением.

— Ты смотришь на меня через весь зал. И наблюдала до этого.

— О, — многозначительно протягиваю я. — Ну ладно, если тебе хочется так думать...

— Мне хочется? — у парня вырывается надменный смешок. — Ты глаз с меня не сводишь!

— Я не люблю о таком говорить, но вообще-то я плохо вижу, — уверенно лгу я. Пару лет назад я сделала коррекцию зрения, но все ещё помню, как видела мир расплывчатым и туманным. — Так что я не смотрела именно на тебя. Просто куда-то перед собой.

Я неопределенно машу ладонью возле лица.

— Плохо видишь, значит? — недоверчиво уточняет Матвей.

— Угу.

— Так мне подойти поближе, чтобы ты поняла, с кем говоришь?

На его лице появляется коварная полуулыбка, и парень неожиданно приближается вплотную. Позади меня стол, и отступить некуда. Между моим телом и его — буквально пара сантиметров. Перед глазами оказывается воротничок черной рубашки из блестящего шелка и светлая кожа шеи. Я поднимаю взгляд — лицо Матвея так близко, что я отчётливо вижу длинные ресницы и блики света в глазах. Легкий румянец на щеках от выпитого вина. Родинку над уголком его губ.

— Близорукие не смотрят с таким вызовом, — шепчет он, наклоняясь к моему уху. — А ты это делаешь. Но всё равно краснеешь. Прямо как сейчас.

Я в ужасе застываю, ощущая себя пойманной на месте преступления. Щеки и правда предательски горят. Мысли судорожно кружатся в голове, пока я пытаюсь найти выход из положения.

Что он вообще себе позволяет? Раньше я бы без колебаний его толкнула, но теперь должна действовать хитро.

— Конечно, я отвожу взгляд. Не могу же я часами смотреть в одну точку, — бормочу я, повернув голову в сторону.

— Как забавно, что этой «точкой» снова и снова оказываюсь я, — его лукавая улыбка обжигает. Наглая близость Матвея выводит меня из себя. Раздражает. Внутри вспыхи-

вает упрямое желание отстоять свою правоту, хотя я и знаю, что прав он.

— Так, может, это ты всё время крутишься у меня перед носом? — громче говорю я, решаюсь посмотреть парню прямо в глаза и передразниваю его. — Прямо как сейчас.

Дыхание Матвея становится тяжелее. Ноздри расширяются от гнева, но он сдерживает себя.

— Не пытайся выкрутиться. Если что-то надо, наберись смелости и подойди.

— Зачем? Ты ведь сам уже подошел. Тебе что-то нужно? — я кладу обе ладони на его плечи и мягко отталкиваю парня, вынуждая сделать шаг назад.

Он снова усмехается и скрещивает руки на груди. Смотрит в сторону.

— Лично мне от тебя ничего не надо, — нагло вру я. — Я тебя даже не знаю. Ты не представился в прошлый раз.

Он бросает на меня долгий, колючий взгляд. С его губ срывается очередной короткий смешок.

— Матвей. Аншанте, — он неожиданно берет мою руку и касается тыльной стороны ладони мягкими губами, оставляя лёгкий, едва ощутимый поцелуй. Я с удивлением ощущаю, что кожа в этом месте словно горит. В голове — громкий гул мыслей. Он играет со мной? Он уже что-то знает? Выяснил, кто я? Нервно сглотнув, я натянуто улыбаюсь.

— Очень приятно. А ты мое имя знаешь?

— Знаю. Я не обманщик, как ты, — он вновь наклоняет-

ся ко мне, смотрит хищно и, заговорчески улыбаясь, вдруг предлагает: — Раз уж мы теперь знакомы, не хочешь поговорить в более тихом месте? Меня эта музыка утомила.

Возмущение вспыхивает в моей груди. Предлагает уединиться? Какая наглость. Хочется просто со всей силы пихнуть его и уйти. Но я вдруг понимаю, что этого он и ждёт. Вспышки эмоций. Чтобы я разозлилась и устроила некрасивую сцену на виду у всех. Подтвердила, что я — лишь простушка и не умею себя вести на приличных мероприятиях.

Мне вспоминается один из первых советов Стаса. «Чтобы зацепить человека, нужно поступать непредсказуемо». И я делаю то, чего Матвей точно не ожидает после всех моих отрицаний и колючих ответов. Отвечаю не гневной тирадой, а лишь одним спокойным словом:

— Идём.

Похоже, он и правда удивлён. Сжимает губы и с подозрением хмурится. Затем парень выпрямляется и осматривается по сторонам.

— А Алиса не будет против? — с ехидством спрашиваю я. Хочется задеть его, напомнить, что кое-что о нём я знаю.

— Алиса? — парень смотрит холодно и поднимает брови.
— Кто это?

Я еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть, выражая презрение. Хотя чего ещё я ожидала от такого человека? Хочется поставить его на место, но я прикрываю глаза на пару секунд и мысленно убеждаю себя молчать.

— Иди за мной, — Матвей направляется к выходу из зала, и я следую за ним. Прохожу мимо Дианы, которая слегка прищуривается и провожает меня взглядом. Я смотрю на неё и неуверенно пожимаю плечами.

Матвей стремительно шагает по коридору. Мне сложно поспевать за ним на каблуках. В этом платье с открытой спиной ощущаю себя практически голой. Парень вдруг замирает у одного из кабинетов и ждёт, пока я догоню его. Он достаёт ключ и осторожно открывает дверь, издающую тихий скрип.

— Придержи дверь, я пока свет включу, — говорит он и исчезает в темноте.

Я выполняю просьбу и держу тяжелую дверь, чтобы пустить в кабинет хоть немного света и позволить Матвею найти в темноте выключатель. Неожиданно слышу щелчок и вижу, что внутри зажглись несколько огоньков. Оказалось, Матвей не пытался включить люстру или лампу, вместо этого он достал из кармана зажигалку и... Зажег свечи? Ситуация стремительно становится всё более и более странной.

Что ему нужно? Я не верю, что методы Стаса с долгими взглядами и красивым платьем сработали так быстро, и Матвей уже решил устроить романтику со свечами. Очевидно, он что-то задумал. Раньше я бы послушала разум и быстро ушла прочь. Оставаться с малознакомым парнем наедине в темном кабинете — очень плохая идея.

Но в этот раз я вынуждена рискнуть. Подыграть ему, притворяясь, будто заинтересована. Поэтому я захожу в каби-

нет. Дверь с негромким щелчком захлопывается позади меня. Медленно иду в сторону Матвея. Мои каблуки постукивают в тишине кабинета.

Парень стоит у левой стены, рядом с высоким столиком, на котором расположены два подсвечника с уже горящими свечами и несколько странных, безвкусных статуэток. По обеим сторонам от этого столика находятся огромные книжные шкафы. Напротив — два больших окна, за которыми сияет манящая лунная ночь. А в центре кабинета я вижу письменный стол и два кресла.

— Знаешь, что это за место? — тихо спрашивает Матвей.

— Нет, — отвечаю я, понизив голос, и пожимаю плечами. Дохожу до письменного стола, осторожно провожу по деревянной поверхности рукой и останавливаюсь в нескольких шагах от парня.

— Не бывала здесь?

Я еще раз осматриваюсь, и вдруг меня осеняет: бывала. Черт возьми, я здесь бывала, но в темноте не поняла этого сразу. Сердце начинает биться чаще. Неужели Матвей уже что-то узнал?

— Нет, — ложь легко и быстро срывается с моего языка.

— А должна была?

— Хм... Ну тогда знакомься, кабинет директора! — с наигранной торжественностью произносит парень, а затем снова переходит на полусшепот. — И сюда строго запрещено заходить без приглашения.

Дрожь пробегает по моей обнаженной спине, но я стараюсь сохранить внешнее хладнокровие. Я уже бывала в этом кабинете нежеланной гостьей, заглянувшей без приглашения. Но сейчас не время вспоминать один из худших эпизодов моей жизни.

— И что, ты захотел нарушить правила? — я делаю шаг ему навстречу. — Нервы хочешь пощекотать?

Я изображаю уверенность, но, на самом деле, мои собственные нервы на пределе.

— Подумал, тебе это понравится. Ты ведь часто их нарушаешь, верно? — Матвей смотрит на меня с вызовом и будто ищет на моем лице подтверждение своим словам.

— С чего ты взял?

— Пятый студент на бюджет — это нарушение правил, — парень улыбается, но в его глазах — обжигающий холод. — Как ты это сделала?

Я слегка наклоняю голову на бок, изучая лицо своего врага. В свете огня оно кажется совсем не ангельским, а зловещим. В глазах я вижу отблески пламени — не свечей, а скрытых, подавленных эмоций. Гнева и недоверия.

Я пожимаю плечами и принимаю равнодушный вид. Мне нужно отвлечь его от подозрений.

— Слышала, в «Антаресе» лучшее образование. Здесь «сияют ярко» и всё такое. Я люблю быть на вершине.

— Хм, — задумчиво протягивает Матвей. — Захотела красивой жизни?

Он старается выглядеть расслабленным, но я вижу тень беспокойства на его лице. Чего он опасается?

— А что? — я невинно улыбаюсь. — Думаешь, продала душу дьяволу за впечатляющую возможность наворачивать канаве на приемах и обсуждать, кто на какой горнолыжный курорт поедет зимой? Спойлер: на тот же, что и всегда.

Я чувствую, что с такими, как Матвей, лучший способ защитить себя — нападение. Нужно отвлечь его, поэтому теперь я сама подхожу к нему ещё чуть ближе и смотрю в глаза. Страх заставляет меня действовать отчаяннее. Давыдов не должен узнать мой секрет. Поза парня становится более напряженной.

— Не нравятся канаве и приемы? — Матвей хмурится. Ему явно пришелся не по душе мой пренебрежительный тон. — Тогда что ты здесь забыла?

— Образование. Разве не очевидно? Ты здесь не за этим? — я изображаю удивление.

— Я тебе не верю, — прямолинейно заявляет он. — И не позволю тебе кого-то использовать здесь.

«Не кого-то, а тебя», — мысленно злорадствую я.

— О чем ты вообще? — делаю вид, что не понимаю, но внутри всё сжимается от тревоги. Неужели он понял, кто я? Неужели догадался, что я пришла мстить?

— Чего ты хочешь? Заработать на чьих-то секретах? Развести богатого парня? Кататься по миру за счет обеспеченной подружки? Я знаю все ваши трюки, — твердо произно-

сит Матвей. — И ты не провернешь ни один из них.

Я наконец облегченно выдыхаю. Этот дурак решил, что я — охотница за чужими деньгами. На моем лице появляется искренняя улыбка.

— Ты прав, не проверну. Потому что и не хочу.

— И все же я подстрахуюсь, — заявляет парень, и его губы вдруг расплываются в хитрой улыбке. Он тянет руку к одной из больших статуэток, касается её пальцами и внезапно легким движением сталкивает со столика.

Черная статуэтка в виде лошади с грохотом падает на пол слева от нас и разбивается на несколько частей.

— Упс, — наигранно произносит Матвей и округляет глаза в притворном удивлении.

Я инстинктивно делаю шаг назад, чтобы не задеть осколки.

— И зачем это? — я непонимающе хмурюсь.

— Директор очень любит эти статуэтки. Подарок мэра города, — поясняет Матвей. Его поведение выглядит странно и устрашающе, но голос, в противовес поступкам и словам, остаётся мягким. Он звучит ласково и тепло, будто парень дает нежное обещание, а не бросает угрозы. — Он очень расстроится, когда обнаружит эти осколки. Захочет найти виновного и наказать. А я как раз попросил приятеля сделать пару фотографий, пока ты будешь держать дверь в кабинет.

Его глаза торжественно сияют, и парень сбрасывает со столика еще одну статуэтку — теперь в виде тигра. Я вздра-

гиваю от звука.

— Теперь у меня есть снимки, как ты заходишь в кабинет директора. В тот самый вечер, когда тут испортили столько имущества, — Матвей переступает осколки и приближается ко мне, явно очень довольный собой. — И если мне что-то не понравится в твоём поведении, я покажу эти фото директору — и ты мгновенно покинешь «Антарес». Мне за эту выходку ничего не будет, а вот тебе очень сильно достанется.

Он победно разводит руками.

— Се ля ви, — лицо парня приобретает надменное выражение.

В моей душе вновь начинает закипать ярость. Подставлять других — это в духе Матвея. Как же быстро он показал свою сущность. Я сжимаю губы, чтобы не выпалить всё, что я о нем думаю. Грудь поднимается от гневного дыхания и выдает мои эмоции. Мысли летят на бешеной скорости. Какие у меня варианты? Защищаться? Поддаться и притвориться, что буду послушной?

Ну уж нет. Я убеждена, что в случае Матвея поддаваться нельзя, иначе он сделает мою жизнь ещё хуже. Поэтому я тоже делаю шаг к нему и гордо поднимаю голову.

— Ты не понял с первого раза? Что бы ты ни сделал, я не вылечу из этого колледжа, — моя легкая, невинная улыбка становится дерзкой. — Думаешь, ты один такой особенный, неприкасаемый?

Матвей быстро моргает. Очевидно, не такой реакции он

ожидал, и, не давая ему опомниться, я продолжаю давить.

— Похоже, тебя не наказывали дома. Не ругает директор в колледже, — я бесстыдно протягиваю руки и поправляю воротник его рубашки, касаясь пальцами гладкой ткани. — Ты решил, что тебе ничего не грозит.

Парень растерянно смотрит на меня.

— Но если решишь усложнить мне жизнь — я не останусь в долгу, — я резко тяну его воротник на себя, придерживая обеими руками за края. — Для других ты, может, неприкасаемый, но не для меня. Я тебя проучу.

— И что же ты будешь делать? Касаться меня? — Матвей быстро возвращает самообладание и вновь принимает самодовольный, насмешливый вид.

Я отпускаю его, присаживаюсь и поднимаю с пола небольшой осколок. Затем выпрямляюсь и смотрю Матвею прямо в глаза, больше не опасаясь их жгучего блеска. Этот момент удивительно сладкий — ведь после долгих дней притворства я наконец могу сказать хоть немного правды. Я могу пару мгновений побыть собой.

— Если навредишь мне, я буду тебе мстить, — мой голос звучит негромко, но источает полную яда угрозу, столь сладкую для меня. — И я не успокоюсь, пока ты не получишь по заслугам.

Парень косится на осколок в моих руках. Я замечаю, как сильно забилась вена на его шее. Осторожно, слегка касаясь его рубашки, я медленно черчу осколком крестик в области

сердца Матвея, прямо по шелковой ткани. А затем бросаю этот маленький кусочек в правый нагрудный карман мужской рубашки.

— Нам лучше дружить — так приятнее для обоих, — завершаю я свою речь и решительно направляюсь к выходу, так как чувствую: от переизбытка эмоций силы стремительно покидают меня. Волна адреналина сходит, и вот-вот я начну дрожать от волнения.

Чувства обострились, и я ощущаю, как парень скользит взглядом по моей открытой спине.

— Я не дружу с такими, как ты, — бросает Матвей мне вслед.

Опять он об этом?

— С какими? — я резко оборачиваюсь и выкрикиваю тот же вопрос, что и при первой встрече.

— С такими, кто может вызвать желание большего.

Я не верю своим ушам.

Матвей ухмыляется. Он несерьезно. И все же моё сердце колотится бешено. Я так больше не могу, поэтому резко распахиваю дверь и вылетаю из кабинета. Выдыхаю. К счастью, в коридоре — совершенно пусто. Темно и прохладно. Свидетелей нет. Теперь мне кажется, будто в кабинете стояло настоящее адское пекло.

Быстрым шагом я возвращаюсь в зал, хватаю бокал холодного игристого вина и осушаю его залпом.

— Ого, — раздается голос рядом со мной. Я сразу по-

нимаю, что это Диана, и ощущаю облегчение. — Я не буду спрашивать, зачем ты уединялась с Матвеем Давыдовым, но есть один нюанс...

Я резко поворачиваюсь к ней.

— Какой?

— Мне все равно, если парочка покидает зал, — Диана хитро щурится. — А вот если за ними следует третий, это уже интересно...

Я испуганно смотрю на нее. Неужели кто-то действительно сделал снимки?

— Когда вы ушли, почти сразу за вами поспешил друг Матвея, вон тот. Руслан, кажется, — она взглядом указывает в угол, где стоит парень и выжидающе смотрит в сторону выхода.

Я ощущаю прилив тревоги. И как я попала в такую примитивную ловушку?

Мой растерянный вид, похоже, говорит сам за себя, и Диана продолжает.

— Мне стало любопытно, и я последовала за ним. И тут стало еще интереснее: Руслан вдруг достал телефон, включил камеру... Как-то уж слишком пикантно, скажи? Если все трое согласны на съемку, нет проблем, но отчего-то мне показалось, что ты не в курсе.

— Я ничего не знала, — выдыхаю я и закрываю лицо ладонями, ощущая, как горят мои щеки. — Всё не так, как выглядит, но...

— Да не парься, — перебивает меня Диана. — Не знаю, что он хотел там нафоткать, но ничего не сделал.

Я убираю руки от лица и вновь поднимаю взгляд на девушку.

— Я его отвлекла, — она коварно улыбается и делает многозначительную паузу. — Стоило уронить в коридоре сережку и наклониться в этом платье, и Руслан тут же про вас забыл и переключился на кое-что другое.

— Боже, Диана... Спасибо тебе. Я понятия не имею, что тут происходит, но...

— Не объясняйся. Я не буду спрашивать, что вы там делали с Матвеем, но будь осторожна.

— Спасибо. Кажется, я перед тобой в долгу.

— Ага, — кивает она, даже не пытаясь казаться бескорыстной. — Похоже, чтобы тут выжить, нам все-таки лучше держаться вместе.

Я не против. Мы чокаемся бокалами, и я расслабленно выдыхаю. Но вместе с облегчением на меня сваливается и усталость. Душевное напряжение уходит — и я ощущаю уже физическое. Ноги страшно гудят от этих босоножек.

Неожиданно в зале появляется Матвей. Интересно, он правда оставил кабинет в ужасном виде? Диана пристально следит за передвижением парня.

— Не хочу тебя поучать, но этот парень очень опасен, — холодно произносит она.

— Ты абсолютно права.

Мне уже довелось узнать, насколько опасным бывает Матвей, и как он влияет на жизни людей. В этот раз у него не вышло меня подставить, но это означает лишь одно: он попробует снова. Я привлекла его внимание, но совсем не так, как хотела. Подумав об этом ещё раз, я не могу сдержать внутренний крик: «Черт возьми, во что я ввязалась?»

Глава 4. Внимательно слушай

Утро субботы, а я уже на ногах. Сегодня по-осеннему прохладно и пасмурно. У меня нет лишних денег на курьера, поэтому я сама несу коробки с платьем, сумочкой и босоножками домой к Стасу. Он без вопросов дал мне адрес и разрешил прийти к нему в квартиру. Ничего такого. Просто отдам вещи его подруги — и буду свободна. И больше ничто не напомнит мне о злополучной вечеринке.

Когда я подхожу к подъезду, оттуда выходит мужчина с маленькой собачкой и придерживает для меня дверь. Удачно! Поднявшись на 9 этаж, я начинаю искать квартиру. Уже не так удачно: она оказывается самой дальней на площадке.

Я немного волнуюсь, поэтому несколько секунд просто стою у двери. Кажется, что дом расскажет про Стаса что-то новое, личное. Как он обставил свое жилище? У него творческий беспорядок? Есть ли там фотографии и памятные вещи? Может быть, что-то связанное с Ваней? Мне кажется, что такой неординарный человек, как Стас, должен жить в интересной и стильной квартире.

Руки заняты, поэтому я легонько стучу в дверь ногой, надеясь, что парень услышит. Пару минут ничего не происходит, но затем раздается щелчок замка, и дверь открывается. Передо мной появляется Стас.

Сегодня на нем белая футболка и широкие спортивные

штаны серого цвета. Мокрые пряди черных волос спадают на лицо. Похоже, он недавно из душа. Стас наклоняется, чтобы перехватить «доставку», и я улавливаю свежий запах геля для душа или шампуня, исходящий от него.

— Давай их скорее сюда, — забрав коробки, парень сразу уносит их вглубь квартиры. Я нерешительно топчусь у входа.

— Заходи, — кричит он из комнаты. — Просто захлопни дверь.

У меня возникает чувство, будто переступая порог его квартиры, я переступаю и границы дозволенного. Обычно сюда приходят Ваня и их общие друзья, но разве я должна была оказаться здесь? Неужели мне тоже можно? Сделав глубокий вдох, я все же делаю шаг в прихожую и закрываю за собой дверь. Осматриваюсь — но взгляду тут особо не за что зацепиться, кроме пары крючков для одежды и подставки для обуви. Осторожно стягиваю кеды и морщусь от неприятного чувства — ноги по-прежнему гудят из-за неудобных босоножек и ощущаются тяжёлыми после вчерашней вечеринки. Тихо ступая, прохожу в комнату.

Это просторная кухня-гостиная. И она отказывается раскрыть мне хоть что-то про Стаса. Квартира молчит и упорно скрывает секреты своего хозяина за маской лаконичности и визуальной простоты. Помещение кажется пустым, несмотря на наличие мебели. Прохладный пол покрыт напоминающей мрамор белой плиткой с серыми вкраплениями и прожилками. На стенах цвета бетона — никаких украшений, фотогра-

фий или картин.

Слева отведено пространство для кухни. Через большое окно холодный утренний свет падает на темно-серый кухонный гарнитур, плиту и холодильник серебристого цвета. Темная мебель выглядит новой и чистой до блеска. Микроволновка, тостер, чайник и кофе-машина — все будто только из магазина. Вместо стола здесь установлена барная стойка, которая делит комнату на две части. Пара высоких стульев намекает на то, что большие компании тут принимают редко.

С другой стороны, гости могут расположиться и на длинном черном диване, который стоит в зоне гостиной. На противоположной стене висит большой и плоский телевизор, а под ним расположился кофейный столик с прозрачной поверхностью из толстого стекла.

В кухне-гостиной — две небольшие арки. Через первую вошла я, а другая находится справа и, видимо, ведет в ещё одну комнату. Именно там скрылся Стас. Наверное, там его спальня.

— Садись где хочешь, — раздаётся мужской голос. — Я скоро.

Осторожно опускаюсь на диван, вытягиваю ноги и ещё раз осматриваюсь. Не ожидала, что Стас такой минималист. Ничего лишнего. Только функциональные вещи. Ни одного яркого элемента.

Парень показывается в арке и останавливается, опираясь о неё плечом.

— Выпьём кофе?

— Давай, — соглашаюсь я, даже не успев обдумать предложение. Но почему бы и нет? У меня больше нет планов на день, кроме учёбы. Всё-таки нужно не только охотиться на Матвея, но и получать знания.

Думаю, кофе не станет помехой моему образованию. Стас проходит мимо, и я вновь улавливаю приятный аромат чистоты. Парень подходит к кухонным шкафчикам, достаёт две чашки, воронку, молотый кофе и начинает готовить напиток.

— Кстати, а что это была за сумка? Одна из однокурсниц обратила внимание, — мне хочется прервать тишину, в которую погрузилась эта молчаливая квартира.

— Это «Шарм де Суар». И туфли тоже.

— Что? — восклицаю я. Обычно у меня нет никакого трепета перед брендами, но сейчас мне не удастся сдержать изумление. Вещи «Шарм де Суар» я не рискнула бы даже в руках подержать, зная их цену. А тут, выходит, я целый вечер неаккуратно бегала по залам в столь дорогой обуви и даже толком не рассмотрела сумочку, на которую не заработаю и за год?

— Ну это же «Антарес», — Стас насмешливо протягивает название колледжа. — И ты должна была показать им, что ничем не хуже.

На меня обрушивается осознание, насколько сильно парень постарался ради меня. Далек не каждый смог бы достать подобные вещи, ещё и так быстро.

— Спасибо тебе... Но я теперь боюсь спросить, что это было за платье.

Парень не оборачивается, но я слышу, что он издает короткий и тихий смешок.

— Платье... Да не важно, — отмахивается Стас. — На статном, спортивном теле любые вещи будут выглядеть на миллион.

На несколько секунд я замираю, удивленная услышанным. Слова вызывают странное покалывание на коже. Но я тут же возвращаюсь с небес на землю — он же не сказал, что на *моем* теле. Перевожу взгляд и замечаю, как аккуратно и равномерно парень проливает воду через фильтр для кофе из специального чайника с длинным носиком. В голове мелькает: «У него красивые руки». Но я никогда не смогу сказать этого вслух. Не припомню, чтобы раньше обращала на такое внимание, и мне становится неловко за свои мысли. Я должна сохранять бдительность, ведь мы здесь по делу. Мне нельзя отвлекаться.

Отворачиваюсь и опускаю взгляд на свои ноги. Осторожно шевелю пальцами. «Шарм де Суар», значит? И за что такие деньги, если обувь даже не была удобной? Переплачивать и всё так же страдать, как и с дешевыми туфлями с маркетплейса? Вообще никакого смысла.

— Стас... А твоя подруга, случайно, не актриса Милана Берг? — спрашиваю я, оставляя рассуждения о несправедливости цен при себе.

— Что? Нет, — восклицает он и мягко смеется. — С чего ты взяла?

— Да так, — отмахиваюсь я, не желая выглядеть ещё глупее. Аня со своими дурацкими комментариями заставила меня предположить невозможное. Хотя почему невозможное? Стас обошёл бы по харизме многих актёров.

— Актрисы в мой бар ещё не заглядывали, — опровергает мои догадки парень.

Что ж, его подруга — хотя бы не знаменитость. И всё равно странно, что Стас со мной возится, если может проводить время с изысканными и богатыми девушками. Может у него есть связи и в «Антаресе»? Почему я не подумала об этом раньше?

— Стас, а у тебя нет знакомых в моем колледже?

В этот момент парень как раз подходит ко мне и пододвигает ближе к дивану кофейный столик, стоявший поодаль.

— Хм, — задумывается он. — Среди студентов нет. Им ведь лет по 19-20? Я в основном с ровесниками общаюсь и с теми, кто старше.

Ясно, в его окружении только я — малявка. В ноябре мне исполнится двадцать. Мне удалось узнать, что в «Антарес» мало кто поступает сразу после школы. У людей вроде Матвея есть ещё одно преимущество — время. Им не нужно думать, как поскорее найти работу и выручить деньги. Не нужно срочно решать, какую профессию выбрать. Они позволяют себе отдохнуть и подумать. Могут прохлаждаться год или

два, пробуя разное и выбирая, что больше по духу.

Покопавшись в интернете, я смогла выяснить, что Матвей прожил год после школы в Париже. И лишь потом поступил в «Антарес», а теперь уже учится на втором курсе.

Стас отходит, но через пару мгновений возвращается с двумя чашками ароматного кофе, ставит их на столик и продолжает:

— Хотя, подожди... Одна знакомая в «Антаресе» всё же есть. Особенная девушка.

— Кто она? — спрашиваю я, не сдержав любопытства. Может, получится использовать эти контакты?

Но Стас лишь тихо смеется и бросает на меня теплый взгляд, искрящийся весельем.

— Это ты.

— Ц-ц, — я притворяюсь разочарованной.

— Может, кто-то из знакомых — выпускники прошлых лет. Попробую освежить в памяти, — парень оставляет мне надежду.

— У тебя так много знакомых, что ты не помнишь?

Он лишь пожимает плечами и задумчиво отводит взгляд.

Я делаю глоток черного кофе и удивляюсь, каким мягким и сбалансированным он может быть. В насыщенном кофейном вкусе проступают легкие ягодные ноты, которые плавно сменяются шоколадным послевкусием.

— Как прошла вечеринка? — интересуется Стас, присевший рядом на диване.

— Давыдов-младший показал своё истинное лицо, — я неприязненно поджимаю губы. — Пытался меня подставить.

Я рассказываю Стасу, как Матвей подошел ко мне на вечернике. Упоминаю, что наряд сработал — и, вопреки всему, враг всё-таки рассматривал меня. Описываю сцену в кабинете и внезапные разрушительные порывы Матвея. Поборов смущение, озвучиваю и его слова: «С такими, кто может вызвать желание большего».

Стас лишь иногда кивает, но никак не комментирует произошедшее. Он медленно пьет кофе и внимательно слушает меня. Договорив, я обращаюсь к парню:

— И что мне делать дальше?

— Хм, — он не спешит с выводами.

Я выжидательно стучу пальцами по обивке дивана. Она мягкая, но немного шершавая.

— Думаю, пора сделать кое-что очень важное.

— Что? — спрашиваю я.

— Начать внимательно слушать.

— Тебя? Его? — уточняю недоуменно.

— В идеале всех. Но пока — в основном Матвея. Люди часто выдают всё важное о себе, даже не замечая. Но к ним редко по-настоящему прислушиваются.

— Но чтобы его слушать, надо начать разговор. А я не знаю, о чем болтать с этим человеком.

— Есть беспроигрышный вариант, — Стас хитро улыбается. — Поговори на самую интересную и увлекательную для

него тему — о нём самом.

— Просто подойти и начать расспрашивать о нём? Это будет нелепо. Я не сильна в коммуникации, — стыдливо замечаю я.

— Не согласен, — качает головой Стас. — Но если боишься говорить — просто слушай. Дождись момента, когда он сам начнет болтать. От тебя нужны лишь понимающие кивки, пара уточняющих вопросов и внимание. И ты станешь для него самым ценным собеседником. Без особых усилий.

— Такое общение не кажется... Равноценным.

— Но это подходит для наших целей. Ты ведь не хочешь раскрывать ему свою душу, верно?

Этот аргумент я с радостью принимаю.

— У тебя всё получится. Но есть один важный нюанс, — Стас пододвигается чуть ближе и внимательно смотрит на меня. — Люди зачастую не слушают по-настоящему. Они думают о том, что скажут сами. Ищут, что ответить. А если и слушают — то порой очень своеобразно фильтруют то, что им сказали.

— Что ты имеешь в виду?

— Многие пропускают мимо ушей всё, что не вписывается в их картину реальности. Слушают выборочно, запоминая лишь то, что им хочется. Но ты должна услышать именно то, что говорит Матвей, а не удобную тебе часть, понимаешь?

— Вроде да, — отвечаю я, хотя не уверена, что поняла правильно. — Постараюсь быть внимательной.

Я слушаю рассуждения Стаса и медленно пью теплый кофе, ощущая себя в этой квартире всё более спокойно и комфортно. Её серые стены начинают напоминать мне каменные стены замка, оградившего меня от опасностей внешнего мира.

— Раскрою тебе секрет, — голос парня становится тише. — Мужчины часто не могут сдержать правду, хоть нас и клеймят обманщиками. Большинство не хотят быть плохими и стараются сразу раскрыть карты, хоть и своеобразно. Но девушки пропускают мимо ушей все признания, которые их не устраивают.

— То есть, ты не просто так упоминаешь своих подруг? Сразу предупреждаешь, что любишь быть среди разных женщин? — рискую предположить я, скрывая волнение за усмешкой.

— Ха-ха, — беспечно реагирует Стас и отставляет свою чашку в сторону. — Можно и так сказать. Я общительный. Но давай лучше подумаем, о чём всё это время с тобой говорит Матвей.

Я задумчиво перебираю в мыслях его слова.

— Он обратил на тебя внимание, потому что ты «нарушаешь правила», — отмечает Стас. — Но он явно боится, что у тебя корыстные цели. По сути он только об этом и твердит. Одновременно пытается и узнать тебя, и защититься.

— С чего бы ему меня бояться?

— Может быть, у него есть глубокий страх быть брошен-

ным и обманутым?

— Выходит, у Матвея хорошая интуиция? Ведь именно этого я ему и желаю.

Стас слегка прищуривается и смотрит на меня испытующе, словно проверяет, действительно ли мои намерения столь темны.

— Попробуй показать ему, что ты бескорыстна. Что у тебя другие идеалы — не деньги и не статус, — предлагает парень. — А ещё продолжай нарушать правила. Его это явно цепляет.

— Ох уж эти скучающие богачи, — шутливо говорю я и качаю головой.

— Немного пошалить любят все, — Стас подхватывает мой игривый тон.

— Я подумаю, как это устроить.

Я соглашаюсь, но голова уже трещит от усложнившейся задачи. Показать честной, бескорыстной? Я такой всегда и была, но теперь отчаянно пытаюсь измениться, стать коварной и прагматичной. Но должна скрывать свои перемены от Матвея? Как же запутанно.

— Главное, не относись к этому слишком серьезно, хорошо? — Стас, явно уловивший мое беспокойство, пытается меня успокоить. — Пока задача простая — слушать. Но она даст тебе сразу два преимущества. Во-первых, ты станешь очень приятным собеседником для Матвея. Во-вторых, сможешь разузнать о нём больше и использовать в своих целях.

— Хорошо, — киваю я, пытаюсь вернуть себе более расслабленный вид.

— Ты сегодня какая-то напряжённая, — замечает Стас.

— Да у меня просто ноги болят после вечеринки.

— Не самая плохая боль, — улыбаясь, говорит парень. —

Раньше бывало, что ноги сутки гудели после похода в клуб.

— А теперь? Давно не был?

Он кивает, и вдруг в его глазах вспыхивает идея, очевидно не безобидная.

— Давай отметим твое поступление и сходим потанцевать? — неожиданно предлагает Стас. — Это большое достижение, а мы так и не отпраздновали.

Меня поздравили с попаданием в «Антарес» только родители. Купили торт и фрукты. Но без Вани совместные вечера стали тихими, а радость на наших лицах — натянутой. Подругу Аню моё поступление скорее удивило, чем обрадовало, и я получила лишь сообщение: «Ничего себе. Круто».

— А в нашем городе есть хорошие места? — с сомнением спрашиваю я. По клубам я раньше тоже не ходила, как и по барам.

— Есть один хороший клуб «Фуоко». Тебе понравится.

— Кажется, я слышала о нём от Вани.

— Да, он там часто бывал.

Я замолкаю. На меня накатывает грусть от слова «бывал». Ваня, большой любитель веселья и свободы, теперь заперт в клетке и лишён всего, что он так ценит.

— Эй, — Стас снова привлекает моё внимание, заставляя вынырнуть из мрачных мыслей. — Сядь боком.

— Что? — непонимающе бормочу я.

— У тебя ведь ноги болят? Повернись и клади их сюда, — он мягко хлопает рукой по своим коленям. — Знаю, как помочь.

Ноги действительно болят. Кажется, даже после горных походов в трекинговых ботинках мне было намного легче. Но помогать мне с этим? Предложение парня заставляет меня смутиться, хотя я и понимаю, что он просто хочет меня отвлечь от тоски по брату.

Я в нерешительности смотрю на Стаса, не уверенная, что правильно поняла. Тогда он сам подхватывает мои ноги под коленями и разворачивает меня на диване. А сам устраивается с краю и кладёт мои ступни чуть выше своих коленей.

— Если их помассировать и немного расслабить, тяжесть уйдет. Позволишь помочь?

Я молча киваю. Кажется, что отказать уже поздно. Тогда парень начинает мягко поглаживать мою стопу от пальцев к пятке. Он выглядит очень сосредоточенным. А я просто радуюсь, что надела чистые белые носки. Без них это было бы уже слишком. А так — вроде нормально. Даже вполне приятно. Точнее очень приятно. Мне и правда становится чуточку легче.

Стас аккуратно растирает зону подошвы большими пальцами, делая круговые движения. Ощущения непростительно

хороши. Мне хочется снизить возникшее напряжение, поэтому я продолжаю разговор, но в такой момент в голову не приходит ничего нормального. И, конечно же, я говорю глупость.

— Ты расскажешь Ване, о том... — начинаю я, но делаю паузу и мысленно перебираю варианты. О том, что мы творим, чтобы его вытащить? О том, что мы общаемся? О том, что затеяли кое-что против Давыдовых? Или о том, что помогаем друг другу *вот так*? В итоге завершаю фразу расплывчато: — Обо всём этом?

Стас захватывает мою стопу обеими руками и бережно сдавливает её. Это так приятно, что хочется прикрыть глаза, но я сдерживаюсь. Он сохраняет совершенно невозмутимый вид, будто массирует женщинам ноги каждый день. Хотя, может, так и есть?

— *Всё это* — только между нами. Я ничего не расскажу Ване, — тихо уверяет Стас, не прерывая массаж. — Мы с ним — друзья, но у каждого своя жизнь и свои секреты. Однако ты можешь рассказать ему, что захочешь. Я не против.

Я наклоняю голову и кладу на подушку дивана. Чувство расслабления неспешно расползается по телу. Теперь Стас чуть интенсивнее нажимает пальцами на точки чуть выше пяток. Мое смущение окончательно растворяется от нежных прикосновений и почти профессионального спокойствия парня. Я ощущаю легкость в ногах. Всё тело вдруг становится податливым и мягким.

— Я не хочу, чтобы он знал про Матвея, — признаюсь я. — Брату будет неприятно, что я намеренно сближалась с тем, кто его подставил.

— Ваня не стал бы тебя осуждать, он не мыслит примитивно и не делит всё на черное и белое, — Стас опускает мои ноги себе на бедра и внимательно смотрит на меня. — Но я ему не расскажу.

Я отвечаю ему взглядом, полным благодарности. Его слова успокаивают не меньше, чем расслабляющий массаж. Ощущаю себя укутанной в теплое и мягкое одеяло. Вся эта сцена с его заботой обо мне выглядит по-странному домашней.

— Когда всё получится, вместе придумаем версию, как вытащили Ваню, — продолжает Стас. — Может, просто со временем, что нашли компромат на сына Давыдова. Или что-то в этом роде.

Лгать брату не хочется, но я вряд ли смогу сказать ему правду.

— Не вини себя за обман, — парень словно читает мои мысли. — Ваня тоже не раз врал близким, но всегда во благо. Ваше спокойствие для него дороже всего.

— Хорошо, — я прикрываю глаза и наслаждаюсь мягкостью диванной подушки. Парень бережно водит кончиками пальцев по моим щиколоткам, теперь уже прямо по коже. Мы погружаемся в умиротворение, доверительное молчание. Меня накрывает уверенность, что стесняться нечего.

Со мной Стас не станет переходить черту. Особенно после разговоров про брата. Просто он умеет проявлять внимание и заботу, и теперь я понимаю, почему люди легко очаровываются им. Красивых людей много, но так мало способных точно подмечать, что именно нужно другим.

— Мне как-то стыдно, что Ваня там, в этом кошмаре, а я бегаю тут в роскошном платье, пью вино на вечеринках и учусь флиртовать.

Наслаждаюсь вниманием его друга.

— Послушай, это же лучший из вариантов, — Стас бережно разминает свод другой стопы. — Если дело приносит пользу, ведет к твоей цели, но при этом позволяет ещё и повеселиться — значит, всё идёт как надо.

Я открываю глаза и смотрю на него с легким сомнением. Слишком привыкла к идее, что добиваться целей нужно через боль и тяжелый труд.

— Я считаю, что все дела должны быть такими. Принести и пользу, и удовольствие, — продолжает Стас. — Сама подумай, разве Ване стало бы лучше, если бы мы попытались его освободить и при этом каждый день делали что-то мучительное, неприятное?

— Наверное, нет...

— Насколько я знаю, Ваня тебя любит. Слышал что-то такое, — парень хитро улыбается. — Он не желает тебе страданий. Только радости и добра. Чтобы ты веселилась, флиртовала, радовалась.

Я вспоминаю, как брат всегда подталкивал меня погулять, сходить на свидание, весело провести время. И улыбаюсь.

— Вот, такая улыбка тебе идёт, — Стас бережно опускает мои ноги. — Не вини себя и не стыдись. Кроме того, общаться с Давыдовым — та ещё пытка. Так что твоя ноша вообще не проста.

И правда. Но на короткое время я об этом совсем забыла. Впервые за несколько месяцев из моей головы улетели мысли о несправедливости и о том, как жесток и опасен Матвей.

— А о Ване не беспокойся, — добавляет Стас. — Уверен, он уже и там нашел себе друзей и поводы для веселья. Такой уж он человек, нигде не пропадёт. Кстати, всё, что я тут тебе рассказываю, это его трюки.

— Его? — удивленно спрашиваю я. — Думала, это ты — эксперт в обольщении.

— Я? Нееет, — парень задорно смеется. — Я не так уж много смыслю в общении и особенно в любви. А Ваня — настоящий эксперт.

Я в это совсем не верю, но решаю не спорить. Но всё же запоминаю эти слова, ведь Стас сам сегодня учил, что надо слушать и брать на заметку.

Сидя рядом с ним на диване и наблюдая за тем, как он касается меня, я вдруг чётко осознаю: за несколько месяцев мы и правда сблизились. Он стал единственным человеком, который понимает мои планы. Теперь есть большая часть моей жизни, о которой осведомлён только Стас — и больше ни-

кто. Он знает то, о чем не расскажу родителям, брату и лучшей подруге. «Антарес», план по спасению Вани, Матвей — только Стас посвящен во всё это.

В голове всплывает воспоминание о нашей второй встрече, которая изменила мою жизнь. В тот летний день я примчалась в «Последний круг» после волнующего сообщения Стаса: «Приходи в бар к трём. Я нашел то, что тебе нужно».

С горящими глазами я стояла перед ним. Бармен с довольным видом кинул на барную стойку конверт и взглядом указал на него, словно говоря: «Бери». Я не могла поверить, что в этом крафтовом конверте — решение моих проблем.

И это решение оказалось ужасным. Я села на барный стул, дрожащими от волнения пальцами открыла конверт и достала небольшую стопку снимков. И тут же ощутила порыв бросить их на стол. Закрывать глаза. Не видеть то, чего не должна.

Чужая личная жизнь. То, что должно быть скрыто от глаз посторонних. Я не хотела смотреть, но всё же не отрывала взгляд. На фотографиях директор колледжа сидел на краю кровати в гостиничном номере. А у него на коленях, лицом к мужчине, расположилась девушка. Она наклонилась к его шее для поцелуя. Руки директора бесстыдно лежали на её ягодицах. Лица девушки не было видно, но по фигуре и стилю одежды становилось понятно: она совсем молодая.

— Как ты это достал? — вырвалось у меня.

— Твой «объект» часто снимает номер в отеле. И постоянно грубит персоналу и горничным. А вот я неплохо с ними

лажу, — Стас не вдавался в подробности, но я поняла, что он провернул всё с помощью горничной из гостиницы.

— Твоей помощнице не попадет?

— Нет, — успокаивающе улыбнулся парень. — Вот в чем плюс подлецов. Они не могут пожаловаться — иначе им придётся раскрыть собственные грехи.

Я не сдержала довольной усмешки.

— Горничной ничего не будет, — продолжил Стас. — Она просто случайно забыла свой телефон в номере после уборки. Тот куда-то завалился, и случайно включилась камера... Когда девушка его нашла, то была в полном шоке!

Я бросила на парня взгляд, полный скепсиса.

— Она даже в плюсе, ведь теперь этот гад перестанет появляться в той гостинице и портить её жизнь, — добавил он. — Но знаешь, кто точно не будет в плюсе? Директор, когда жена и трое детей узнают о его шалостях.

— Ох, — выдохнула я, и ощутила, как ком отвращения разрастается внутри. Я ожидала, что Стас найдет что-нибудь о тёмных делах в колледже. Может быть, о взятках при поступлении или подтасовке результатов экзаменов. Результат оказался намного хуже — но всё-таки лучше и эффективнее для меня. Мне не хотелось лезть в чужое грязное бельё, но разве мне оставили выбор?

— А кто эта девушка? Ты её знаешь? — я указала на героиню снимков.

— Не важно, кто она. Тебе ведь нужен компромат на муж-

чину, а не на неё, верно?

— Да, — я кивнула. Меня впечатлило, что он не стал распространяться про девушку. — Спасибо тебе. Я и не думала, что реально получится. Сколько я должна?

Я посмотрела на парня с искренней благодарностью. Мне было ясно, что, несмотря на абсурдность ситуации, он позаботился обо мне. Очевидно, он мог положить в конверт и более откровенные снимки, но не захотел, чтобы я их видела. Знал, что мне будет неприятно.

Стас наклонился ближе ко мне и оперся локтями о барную стойку.

— Это было легко. И это ради Вани. Так что ты ничего мне не должна.

— Я так не могу! Ты ведь наверняка что-то дал горничной. И потратил время!

— Хм, ну тогда я всё же хочу кое-что взамен.

— Что? — спросила я, почувствовав неожиданное волнение.

— Хочу узнать, что ты собираешься делать дальше. В чём твой план?

— Для начала мне нужно убедить директора взять меня в колледж. В обмен на это, — я приподняла стопку фотографий. Мой голос дрогнул от неуверенности.

— Что, теперь страшно продолжать? — бармен усмехнулся и, задумчиво посмотрев в сторону, протянул: — Бойся своих желаний...

— Просто я никогда такого не делала.

— Чего ты не делала?

— Ну... — мне было неловко даже просто озвучить это. А уж совершать и подавно.

— А, не шантажировала и не угрожала? — с явным удовольствием произнёс Стас. — Тут советов дать не могу. Таким я и сам обычно не балуюсь. Предпочитаю пряник, а не кнут. А вот ты, похоже, опасная девочка.

Последнее он сказал с неприкрытой иронией.

— Мне кажется, я не смогу выглядеть убедительно. Директор не увидит во мне угрозы. Ничего не получится.

— Главное не сиди с испуганным видом, как сейчас. Уж лучше со злым, если оставаться спокойной не можешь. И помни: ты его точно не испугаешь, но это... Вполне, — его взгляд упал на снимки. — Такой простой, но действенный способ договориться.

Его совсем не волновало, что я собираюсь пойти на преступление. Для Стаса всё это было игрой. А я, получив в свои руки такое «оружие», всерьёз засомневалась, что готова его применить.

— Скажи мне честно, я совершаю ошибку? Насколько это опасно? — я понимала, что у парня нет причин останавливать меня. Я была для него чужой, и он мог совершенно не волноваться о малознакомой девчонке. И всё же мне захотелось узнать его мнение.

— На мой взгляд, риски минимальны. Этот мужчина

слишком труслив и жалок, — губы парня слегка изогнулись, выражая брезгливость. — Но что будет дальше, когда переступишь через него?

Я закусила губу, не решаясь заговорить.

— Ну же, — настаивал Стас. — Разве я тебя осуждаю?

— Я хочу приблизиться к Матвею Давыдову, — неуверенно начала я. — Мой основной план — узнать его лучше, втереться в доверие и выведать секреты. Найти что-то постыдное, а потом пригрозить его отцу и потребовать отпустить моего брата.

— Неплохо, — протянул парень. — А план «Б»?

— План «Б»?

— Ты сказала про «основной». Но значит, есть и другой?

В этом мне было стыдно признаться Стасу, но периодически я представляла, как, сближаясь с Матвеем, я смогу не просто втереться к нему в доверие, а проникнуть в самое сердце. Заставить его пойти на что угодно ради меня. В моем воображении отец Матвея узнавал про его чувства и вызывал меня на разговор.

Словно в азиатских сериалах, он бросил бы на стол увесистую пачку денег, чтобы я отстала от его сына. А я бы гордо сказала, что деньги мне не нужны. Но я согласна на кое-что другое — освобождение моего брата.

— Ну, это глупо...

— Говори, как есть.

— Ну я думала, что если смогу войти в его окружение и

узнать его слабые места... — мне не хватало духа договорить.

— Ты хочешь, чтобы он влюбился в тебя! — Стас выпрямился и хлопнул в ладоши.

Я испугалась, что он вот-вот рассмеется мне в лицо и назовет мои идеи глупостью. Ожидала, что он приведет множество аргументов, почему мой план не сработает.

— Неплохо, неплохо, — произнёс вдруг парень. — И ничего тут глупого нет. Любовь меняет многое в этом мире. Заставляет людей идти на безумства.

— Но это лишь запасной план, если вдруг получится сблизиться.

— Нет-нет, это должен быть основной план! Если ты очаруешь его, то сможешь просто попросить, понимаешь? Больше никакого шантажа. Просто скажешь ему, чего хочешь — и он сделает всё, чтобы твой брат вышел на свободу.

— Но тогда мне придется чем-то отплатить, — поежилась я.

— И как далеко ты готова зайти?

Я растерялась от прямого вопроса.

— Я... Я не знаю. Но можно ведь еще надавить на его отца? Сказать, что я отвергну Матвея, если Ваня вернется?

— Можно и так, — Стас обошел барную стойку и встал рядом со мной. Я повернула голову, и парень слегка наклонился, заглядывая мне в глаза. — Чувства — это огромная сила. Они помогают людям получать деньги, должности, влияние и славу. Все, что захочется, понимаешь?

Его лицо стало серьезным и сосредоточенным.

— Но я так не умею, — я нервно сглотнула. — Ты сможешь мне помочь?

Задумчивость на лице парня сменилась странным и нечитаемым, словно пустым выражением. Будто он мысленно взвешивал все «за» и «против». Стас посмотрел на меня прямо, готовясь озвучить вердикт.

А затем меня словно толкнули в бездну.

— Да, я тебе помогу.

На его лице неожиданно появилась улыбка. Расплылась медленно, излучая предвкушение и азарт. Хулиганская и дерзкая улыбка, от которой мне стало жарко и даже немного страшно, словно перед прыжком. Она разрушала окovy серьезности и прожигала насквозь приличия и мораль. Она обещала опасность и пробуждала кураж. Она заставляла сердце забиться быстрее и объявляла: «Игра уже началась». Улыбка безумца, с которой идут на рискованные авантюры и получают от них острое удовольствие.

Я не могла оторвать от неё взгляд. Голова закружилась от мысли: «Мы действительно это сделаем». Всё получится. Мы пойдем до конца.

— Заставь его бороться за тебя, — бросил мне вызов Стас.

И, всё так же хищно улыбаясь, добавил:

— Подчини его. Покори. И уничтожь.

Глава 5. Мягко прикоснись

Я выхожу из автобуса на конечной остановке и вдыхаю свежий аромат хвои. До первой пары ещё полчаса, и у меня есть время неспешно прогуляться. Конечно же, автобус не доезжает до «Антареса». Туда ведет асфальтированная дорога, словно нарисованная серой волнистой линией посреди пышного зеленого леса. Предполагается, что в колледж ездят только на машинах: здесь нет тропинки для пешеходов, и мне приходится брести по пыльному краю шоссе. Стараюсь не наступать на растущие у обочины маленькие цветы. Пока машин нет, можно спокойно идти по асфальту и тонуть в обволакивающей тишине.

Я смотрю в сторону, в глубину леса. Стойкая зелень, смешанная с золотом листвы и редкими багряными вспышками, ласкает глаза. Ощущаю порыв подойти, прикоснуться к деревьям, провести подушечками пальцев по шершавой коре. Но всё же решаю не отвлекаться, ведь опоздания в «Антаресе» не прощают и не пускают на занятия даже тех, кто задержался лишь на пару минут.

Вскоре дорога сворачивает влево, и впереди показывается колледж. Мягкий свет осеннего солнца окутывает теплой дымкой здание из темно-красного кирпича, окруженное высокими деревьями. У центральной части строения — четыре этажа, но с обеих сторон расположены башни чуть повы-

ше. Их острые, словно пики, темно-серые крыши стремятся ввысь, к беззаботному, ясному небу.

Я прохожу через ворота — теперь уже гораздо увереннее — и неспешно иду по широкой каменной дорожке к лестнице и массивным дверям. Под ногами хрустят опавшие листья, румяно-красные и янтарные. Вновь ощущаю, что привычная «я» осталась там, за забором. Затерялась где-то в пышном лесу, который расстилается вокруг колледжа.

Должно быть, богатые родители считают, что здесь, в тишине и глуши, их избалованные дети не смогут наделать глупостей и опозорить семью. Наивно верят, что тут студентам нечего делать, кроме как учиться. А если наследник что-то и натворит — эхо происшествий не долетит до большого города и растворится где-то среди массивных дубов и высоких сосен. В итоге все тайны просто сметут вместе с опавшими листьями.

Утром в колледже тихо. После шумной вечеринки прошло уже больше недели. Недавно, в один из больших перерывов между парами, Диана рассказала мне, что несколько скандальных происшествий в тот вечер всё же случилось. Во-первых, две девушки чуть не подрались из-за какого-то парня.

— И знаешь, что самое интересное? — во время рассказа глаза Дианы задорно блестели. — Говорят, это парень из наших, учится здесь бесплатно. Некий Роман Грачев.

— Ты его видела? — уточнила я.

— Нет, ссора случилась, пока я отвлекала Руслана. Но этот парень явно хорош, — она хитро прищурилась. — Так быстро заставил двух богачек сцепиться из-за него!

Во-вторых, компания первокурсников устроила погром в столовой.

— Говорят, что просто «искали там что-то перекусить», — усмехнулась Диана. — Ага, и поэтому перевернули столы, разнесли несколько стульев и кидались фруктами. Ходит слух, что они ещё и в кабинет директора залезли и что-то сломали, но это не точно.

— Кабинет директора? — тут же вырвалось у меня.

— Ага, — загадочно протянула девушка. — Но даже за это им ничего не будет. Родители просто оплатят ущерб. Для них это копейки.

Я с облегчением выдохнула. Никого хотя бы не отчислят за выходки Матвея. Хотя почему я об этом волнуюсь? Разве это должно быть не на его совести?

Но он делает вид, что сцены на вечеринке и вовсе не было. Снова не смотрит на меня. Ничего не говорит, будто не бросал опрометчивых слов мне вслед. Впрочем, это так в его стиле — вести себя, словно ничего не случилось.

Мне не хочется думать о Матвее, но, к сожалению, это необходимо. Перед утренней парой по философии я вновь пытаюсь придумать, как вывести его на нормальный разговор, но достойных вариантов так и нет.

Приходится посвятить врагу и перемену после занятия. Я

спускаюсь в небольшой кафетерий, спрятанный у центральной лестницы, с надеждой, что чашка приторно сладкого ванильного капучино зарядит мой мозг и подарит хороший план. Несколько глотков горячего напитка — и ничего, идей по-прежнему нет. Не могу же я просто подойти к парню и сказать: «Эй, теперь ты пойдешь со мной в укромное место и расскажешь всё о себе». Матвей точно решит, что я пытаюсь отомстить и подставить его в ответ.

От размышлений меня вдруг отвлекает шум за лестницей. Громкие возгласы, чей-то неуверенный и короткий крик и взволнованный гул. Я оставляю чашку на высоком столике и спешу на звук. Вижу, что в холле люди кругом обступили кого-то. Осторожно протиснувшись, становлюсь частью толпы, предвкушающей зрелище.

В центре круга стоит растерянная девушка, которая явно изо всех сил сдерживает слёзы. Я узнаю её: это та самая студентка «с бантом» и малиновым латте, на которую мне указывала Диана. Девушка неуверенно вжимает голову в плечи и не решается поднять глаза. Мне кажется, что она дрожит. Рядом стоит её полная противоположность — самоуверенная, гордо поднявшая голову брюнетка с насмешливым взглядом. Она вертит что-то в руке. Я приглядываюсь и понимаю, что это брошь: золотистая веточка с тремя бордовыми розами. Возможно, даже не золотистая, а золотая.

— Думаешь, если нацепишь всё самое дорогое в доме, то станешь одной из нас? — говорит надменная первокурсница

с брошь в руках. — Это смешно. У тебя нет вкуса. Знай своё место и не высовывайся.

А я почти успела поверить, что «Антарес» не такое уж и плохое место. Но вот оно — доказательство обратного. Не зря я думала, что к здешним обитателям не стоит питать симпатии или жалости.

— Я на память ношу. Это бабушкина, — еле слышно бормочет расстроенная девушка, на которую собрались поглазеть эти ценители «хорошего вкуса».

— И что? Не нужно нам атмосферу портить такой дешёвой, — продолжает нападать брюнетка.

— Она дорогая...

— Ах, всё-таки дорогая? — обидчица усмехается и ловко подбрасывает брошь в руке. — Похоже, кто-то всё же решил покрасоваться. Но попытка провалена!

Не выдержав, я отталкиваю незнакомца, стоящего рядом. Тут полно парней, но никто и не думает заступиться. Горячий гнев клоочет внутри и ускоряет ритм моего сердца. Обжигая, гнев расползается из центра груди по телу и заставляет мой взгляд пылать. Не в силах больше молчать, я выхожу вперёд.

— Чего такая злая? Передоз кофеина? — насмешливо бросаю я, приблизившись к девице, пробудившей мою ярость. — Пей поменьше латте, и не будешь такой нервной.

— Ты кто такая? — дерзко спрашивает она и, оценив меня с головы до ног, брезгливо морщит нос. — Заткнись и не

лезь.

«У-у-у», — по холлу разносятся восторженные голоса. Чужое унижение всех только забавляет. Люди, которые тут собрались, рады, что шоу становится напряженнее. Им плевать на девушку в слезах — главное, что страсти накаляются.

— А ты кто? — я вопросительно поднимаю бровь. — Воровка? Зачем забрала чужое?

Губы девушки сжимаются в узкую полоску. Грудь поднимается от злости. Она закипает.

— Как посмела? — цедит она сквозь зубы.

Я слышу взволнованные перешептывания у себя за спиной, и от них становится не по себе. Но отступать уже поздно. Студентка, за которую я заступилась, так и стоит, опустив взгляд. А у меня совершенно нет желания продолжать перепалку с заносчивой любительницей внимания. Надо разобраться быстрее и больше не тратить время. Всё-таки скоро пара по информатике.

Я подхожу к сопернице ещё ближе и слегка толкаю её в левое плечо. Она ошарашенно смотрит на него, словно не веря, что я рискнула к ней прикоснуться. А я тем временем быстро выхватываю брошь из противоположной, правой руки. Всё происходит молниеносно, и мой план срабатывает на удивление легко. Украшение у меня — остальное уже не волнует.

Я подхожу к пострадавшей девушке, беру её ладонь, вкладываю туда брошь и аккуратно сжимаю её пальцы. Она по-

прежнему выглядит разочарованной и подавленной. Должно быть, ей обидно, что не вышло подружиться с кем-то статусным. Она старалась быть полезной — но её всё равно унизили и не сочли достойной.

Хочется подбодрить, но я не успеваю ничего ей сказать. Ощущаю движение за спиной. Наглая брюнетка приближается и обеими толкает меня со всей силы. Я удерживаюсь на ногах и чудом не налетаю на девушку, которой отдала брошь. Она испуганно отступает, а я лишь тяжело вздыхаю. Только драки мне не хватало. Я не боюсь. Уверена, что выиграю у избалованной неженки. Вот только мне не простят драку в колледже так же легко, как девочкам с вечеринки. Может, позволить ей ударить меня? Секунду я колеблюсь, но все же решаю: ни за что. Оборачиваюсь, чтобы ответить, но вдруг слышу властный голос, источающий холод:

— Мэри, отойди.

Кажется, драки не будет. Из толпы медленно выходит Матвей и бросает на нашу троицу взгляд, полный презрения.

— Матвей, ты слышал? Она посмела... — бормочет Мэри. Теперь я знаю её имя.

— Я всё слышал, — отвечает парень и выразительно смотрит на знакомую, вынуждая её отступить. Мэри, надменно оглядев собравшихся, отходит в сторону и улыбается со злорадством. Она явно считает, что я получу по заслугам от Матвея, её заступника. Тем временем девушка с брошью вытирает глаза ладонью и, спешно протиснувшись через толпу,

исчезает. Она так ни слова и не сказала.

Я замечаю, что зрителей прибавилось. Матвей делает несколько шагов мне навстречу. Создаётся впечатление, что круг стал более тесным. Теперь внимание давит.

— Так вот они, твои «особые таланты»? — со слой иронией произносит парень. — Воровская ловкость рук?

— Эй, ловкие ручки — это очень хорошо! — выкрикивает кто-то из толпы. Метнув взгляд в сторону говорящего, я замечаю Руслана. Естественно, вслед за Матвеем пожаловала его постоянная группа поддержки. Руслан выглядит взбодраженным и довольным, а вот подруга из их троицы — совсем нет. Она стоит, скрестив руки на груди, и сердито хмурится.

— Я лишь вернула украденное, — говорю я, гордо подняв подбородок. И вдруг понимаю, что это мой шанс показать свою честность и бескорыстность, как и советовал Стас. Помогла бедной первокурснице, нажив врагов среди богатых студентов. Пришла на помощь, хотя могла помалкивать и сливаться с толпой. Выбрала совсем невыгодную стратегию.

— Слишком уж отточенным был твой прием, — Матвей ехидно улыбается. — «Школа улиц»? Или как вы там это называете?

Да, я могла бы показать ему свою хорошую сторону. Могла бы произнести речь о справедливости. Продемонстрировать, что для меня важны добро и поддержка слабых, а не

статус и связи.

Но это чертов Матвей Давыдов. И он слишком сильно меня бесит. Он не заслужил моей хорошей стороны, поэтому вновь столкнется с плохой. Может быть, даже с худшей.

— А у тебя какая школа? Нежная школа заботливой мамочки? — говорю я прямо Матвею в лицо, и вдруг вижу, как в его глазах вспыхивает пламя. По-настоящему опасное. Жгучее. Грозящее взрывом. По моему телу пробегает сильная дрожь. Я остро ощущаю, что невольно перегнула палку и задела его за живое. Тело вопит: «Беги!»

Нужно срочно отвлечь внимание. И я не нахожу ничего лучше, как повторить тот же трюк: теперь легонько, почти ласково касаюсь левого плеча парня, заставляя отвести взгляд, а затем тяну платок из правого нагрудного кармана его пиджака. Ткань выскальзывает поразительно легко, и спустя миг я сжимаю её пальцами.

Перевожу взгляд на Матвея: смесь недоумения и злости заставляет его хмурится и несколько мгновений молчать, слегка приоткрыв рот. Очевидно, вот-вот с его языка слетят очень плохие, очень обидные слова. Мне хватает считанных секунд, чтобы понять: вот-вот он сорвётся. И я решаю сорваться первая — с места.

В три больших шага я пролетаю мимо Матвея, резко расталкиваю студентов и мчусь к выходу, по-прежнему сжимая платок в руке. Оборачиваюсь и вижу, что толпа расступилась перед парнем, и он следует за мной. Бежит, не сводя с меня

взгляда.

Я ловко лавирую между проходящих мимо людей и проношусь мимо охраны. Проскакиваю через металлодетектор у входа, распахиваю двери и вырываюсь на свободу. Дневной свет на миг ослепляет.

Ноги быстро стучат по ступенькам. Я перемещаюсь с каменной дорожки на густую зелёную траву и слышу, что позади меня с грохотом открылись двери. Матвей уже не сильно отстаёт. Но я пока вырываюсь вперёд. Яркое сияние полуденного солнца, прохладный ветерок и синева безоблачного неба словно заряжают меня энергией и открывают второе дыхание. Я втягиваю носом свежий воздух, пахнущий зеленью, и ощущаю, что вырвалась на свободу после душных и тусклых залов «Антареса». Подальше от этих пустышек и снобов. Всё дальше от притворства. От жестокости и обмана. Я бегу, оставляя позади всё, от чего так устала.

Теперь я в своей стихии и беззаботно мчусь по траве, расправив руки. Пусть Матвей увидит, что я не боюсь, а лишь наслаждаюсь движением вперёд. Я уже не сбегую от парня, а просто несусь навстречу ветру. Обогнув колледж, я попадаю на задний двор и движусь дальше, в сторону теннисного корта. Он огорожен зелёным сетчатым забором и, видимо, закрыт. Пробегаю мимо него дальше, к полянке с аккуратно постриженной травой.

Дыхание начинает сбиваться, ноги тяжелеют, но сдаваться нельзя. Я слышу, что Матвей уже близко. Оборачиваюсь,

ожидая увидеть его лицо, искаженной гримасой усталости и злобы.

Но вместо нахмуренных бровей, покрасневшей кожи и губ, сжатых от недовольства, я вдруг вижу... Улыбку? Беззаботная, мальчишеская улыбка озаряет его лицо, придавая ему непривычно живое, светлое выражение. Ни следа обычной холодности и насмешки. В чертах парня прорисовывается чистая искренность. И я не могу отвести взгляд, отчего замедляюсь.

Матвей явно бежит не изо всех сил. Наверное, он уже мог бы догнать меня, но выбрал темп, разгоняющий кровь и доставляющий удовольствие. Его глаза искрятся азартом от нашей игры, на щеках проступает румянец. Волосы растрепались от свежего ветра и будто сияют в лучах полуденного солнца. Он слегка поддается. Это уже не погоня. Просто баловство, которым он наслаждается.

Я дразняще машу платком в воздухе над своей головой, и Матвей, приняв это за сигнал, ускоряется. Но я тоже не собираюсь сдаваться и продолжаю бежать по полянке. Лес уже близко. А что делать дальше, я не придумала. И решить мне не удастся: через несколько мгновений я ощущаю, как чужие руки обхватывают меня, вынуждая притормозить. Пытаюсь вырваться, но безуспешно — Матвей крепко удерживает меня со спины. Я думала, он грубо толкнёт меня и повалит на землю, чтобы отобрать свой платок. Но вместо этого парень вдруг приподнимает меня и начинает кружить в воздухе.

— Поймал! — торжественно восклицает он и начинает хрипло смеяться. Матвей прижимает меня, и я ощущаю, как быстро колотится его сердце после бега.

Я могла бы ударить его по коленям или заехать локтем в живот, чтобы освободиться. Но почему-то мне кажется кощунством прерывать этот миг неожиданной и безобидной, почти детской беспечности. Вместо борьбы я беспощадно машу ногами в воздухе.

Энергичная пробежка будто выветрила из нас обоих весь гнев, опустошила голову, но здорово зарядила «гормонами счастья». Я улыбаюсь как ненормальная.

— У меня сейчас голова закружится! — громко кричу я, но в голосе нет недовольства, только веселость.

Парень плавно останавливается, опускает меня на землю и освобождает из кольца своих рук. Ноги больше меня не держат, и я опускаюсь прямо на траву. Матвей падает рядом. Меня удивляет, что он не боится запачкать свою идеальную форму.

— И куда ты собиралась бежать? Там же перед лесом забор, — говорит парень, а затем откашливается после пробежки.

Издали забор не видно, и я совсем забыла о нём, поэтому просто пожимаю плечами. Не хочу показывать, что никакого плана у меня не было. Лучше отвечу вопросом на вопрос.

— А зачем ты вообще вмешался?

— Она тебя толкнула, — сердито бормочет Матвей. — Не терплю физического насилия. Нужно было это прекратить.

Я осознаю, что он видел перепалку не с самого начала, а подошёл позже.

— Так Мэри решила, что ты за неё заступаться будешь, а не за меня.

— Если бы я так не сделал, они бы стали тебе мстить, чтобы поставить на место, — говорит парень и всё ещё тяжело дышит.

— Поэтому ты решил, что сможешь поставить на место сам? — мой вопрос звучит язвительно, нарушая едва возникшую между нами лёгкость.

— В этом колледже ты будешь иметь дело только со мной, — внезапно объявляет Матвей. — Не с Мери или кем-то ещё.

— Эм... А можно я буду просто учиться? — я наклоняю голову и с вопросительным выражением заглядываю в лицо парню.

— Не похоже, что тебя это устроит. Ты сама ведь все время лезешь, куда не просят, — он зачесывает растрепавшиеся волосы рукой назад и уверенно отвечает мне прямым взглядом.

— Кстати, об этом. Твой платок всё ещё у меня, — я протягиваю руку и, удерживая ткань двумя пальцами, Машу ею у парня над головой. — Я думала, ты из-за него злишься.

— Это всего лишь платок. Можешь оставить себе, — он

вдруг расслабленно откидываться назад и ложится на траву.
— Ты ведь знаешь, что мы прогуливаем пары?

На самом деле, я совсем про это забыла. А занятия действительно начались у обоих. Очевидно, нас уже не пустят, поэтому нет смысла торопиться.

Я сжимаю платок в руке и замечаю, что на нем красной нитью вышиты инициалы: М. Д.

— Что будешь с ним делать? — вдруг спрашивает Матвей, уже прикрывший глаза. — Прижимать его к лицу и вдыхать мой аромат, мечтая о нас перед сном?

— Фу, нет! — я, не успев даже подумать, резко бросаю платок в Матвея. Ткань приземляется у его головы.

— Тебя так легко обыграть, — ухмыляется парень и подхватывает свой победный трофей.

Чувствуя себя одураченной, я отворачиваюсь и скрешиваю руки на груди.

— И вновь побеждает ум, — торжествующие нотки в голосе Матвея пробуждают желание отхлестать его травой.

— По-твоему это умно? — я закатываю глаза. — Детский сад.

— В детском саду ничего о таком не знают, — Матвей перекачивается на бок и ложится лицом ко мне, подперев голову рукой.

Я продолжаю сидеть и водить ладонью по слегка колючему газону.

— Почему ты так вспылил? — решаюсь спросить я, и

между нами повисает напряженное молчание.

— Потому что у меня нет заботливой мамы, — неожиданно прямо отвечает Матвей, и эта внезапная, хлесткая честность будто ударяет меня по лицу.

— Прости, — растерянно говорю я. — Не знала. Такую глупость сказала.

Чувство вины обжигает меня. И зачем я такое ляпнула?

— Ничего страшного, никакой трагедии тут нет. Она жива, просто уехала, — уже мягче поясняет он.

— А я-то думала, тебя просто бесят бездарные подколы, — пытаюсь я разрядить обстановку.

— О, и это тоже. Не ожидал таких дешёвых аргументов от девушки, — шутливо подхватывает Матвей. — Кстати, у нашего спора всё ещё есть зрители.

Он кивает в сторону колледжа, и я, замечая, что к теннисному корту приближается кучка студентов.

— Им любопытно, чем закончилась погоня, а всё равно идут не особо быстро, — усмехается парень и резко поднимается на ноги. — Пойдём, отдохнуть уединённо не получится.

Матвей галантно предлагает мне руку, чтобы помочь встать, и я, преодолевая себя, протягиваю ладонь. Он сжимает её крепче, чем надо. И тянет сильнее, чем стоило. Поэтому, резко поднявшись, я налетаю на него. И парень обхватывает меня за талию, всего на миг — но я ощущаю, что это не случайно. Его ладонь ложится на мою поясницу слишком

уж мягко. Ласково. Дразняще.

В ответ я придерживаюсь за его плечо. Тоже будто бы ненароком. Просто чтобы удержаться на ногах. Ощущаю под тканью рубашки крепкие мышцы.

— Прости, я просто подумал, что ты можешь упасть, — он быстро убирает руку.

— Ага, я тоже, — опускаю взгляд и делаю вид, что отрываю юбку, хотя не вижу на ней ни единой травинки.

Перемешанные и резко схлынувшие эмоции гнева, радости и волнения оставляют меня без сил. Слишком уж противоречивый выдался день. В голове пустота, а в теле — приятная усталость.

Матвей идет впереди, и я с неохотой плетусь за ним. Когда мы приближаемся к толпе, собравшейся у корта, он поднимает руку и победно машет платком. Ослепительно улыбается. А вот мне не до улыбок: я с ужасом замечаю, что среди студентов стоят также директор и моя преподавательница по философии. Сколько бы я не уверяла Матвея, что от руководства колледжа мне ничего не грозит, реальность — намного сложнее.

— Что здесь происходит? Пропускаете пары, ещё и других вдохновили прогулять? — глаза директора полны ярости. И смотрит он только на меня.

Но энергии препираться и защищаться больше нет. Пусть наказывает меня. Матвея он, должно быть, не тронет. А что получу я? Выговор? Встречу с комиссией по дисциплине?

Окажусь на доске позора?

— Это я виноват. Простите, — неожиданно заявляет стоящий рядом со мной Матвей. — Не уследил за временем.

Я поворачиваюсь и смотрю на него глазами, округлившись от удивления. Разве он не хотел меня подставить? Почему упускает шанс? Директор тоже выглядит изумленным.

— А скандал в холле? — несмотря на удивление, мужчина продолжает давить.

— Скандал? — Матвей бросает на меня взгляд, полный наигранного недоумения. — Да мы просто шутили. Ребята неправильно восприняли ситуацию.

Я замечаю в толпе недовольное лицо Мэри. Она явно не понимает, что произошло, и почему Матвей меня не унизил. Если честно, я тоже ничего не понимаю.

— Что ж, — произносит директор и делает паузу. — Раз уж это впервые...

— До конца пары ещё больше часа, — перебивает его преподавательница. — Пусть проведут это время и большой перерыв, убираясь в читальном зале.

— Хм, — директор неуверенно переводит взгляд с Матвея на неё и обратно. Но затем, видимо, решает проявить твердость. — Верно. В «Антаресе» не принято прохлаждаться в учебное время. Компенсируете устроенный вами бардак порядком в читальном зале.

Матвей энергично кивает. Я растерянно повторяю за ним. Что это за наказание такое?

— Всё, идите, — бросает напоследок мужчина. — И чтобы читальный зал был в идеальном состоянии! А вы все чего стоите? Раз не пошли на пары, будете подметать листья на заднем дворе!

И вот, «Антарес» становится чуть больше похож на обычный колледж. Я не могу сдержать легкую улыбку.

Преподавательница разгоняет толпу, а мы с Матвеем движемся в сторону главного здания. Идём рядом, разделяя общее наказание.

— И вот, мы снова будем в читальном зале, — тихо произносит Матвей, наклоняясь к моему уху. — И теперь только вдвоем.

От этих слов у меня перехватывает дыхание. Что там говорил Стас? Всё вылетело из головы.

— И часто тебя так «наказывают»?

— Впервые, — с довольной ухмылкой говорит он.

Что ж, больше часа наедине с Матвеем Д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.